

ЖИЗНЬ ПОЛНА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
БИБЛИОТЕКА НА **TOFALARIA.RU**
ВЫКЛАДЫВАЕТСЯ ТОЛЬКО ЛУЧШЕЕ ИЗ МИРА ПЕЧАТНОГО
СЛОВА О САЯНАХ

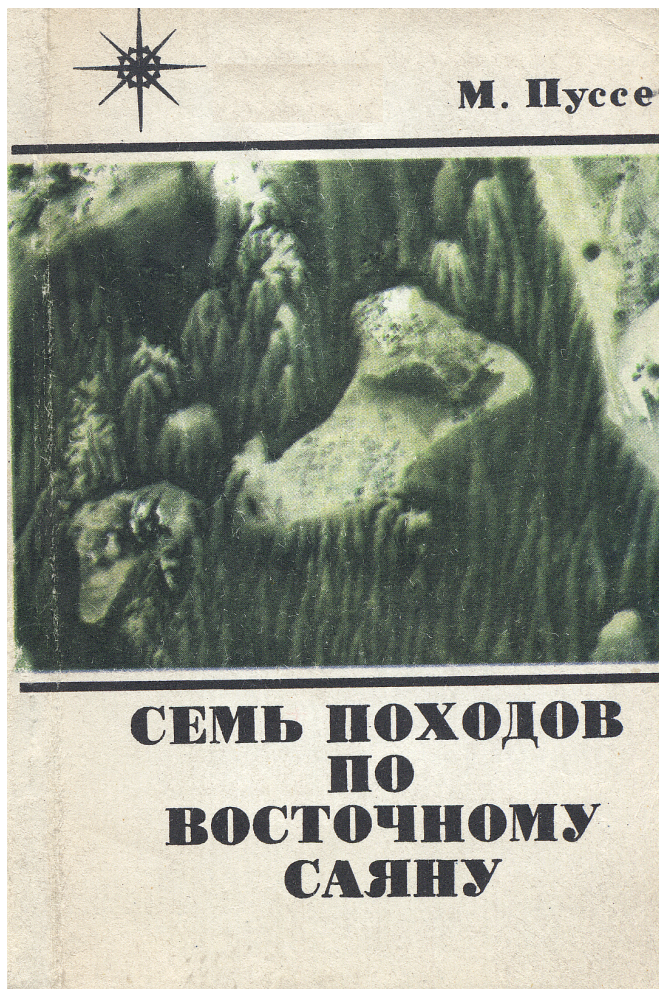
СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
Бурный Казыр.....	6
В дебри Восточного Саяна.....	30
К верховьям Кизира.....	63
Грандиозный — рядом!.....	81
У тоджинских тувинцев.....	99
На медвежьих елани.....	118
Канское белогорье.....	131

Марк Васильевич Пуссе

СЕМЬ ПОХОДОВ ПО ВОСТОЧНОМУ САЯНУ

ЖИЗНЬ ПОЛНА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
БИБЛИОТЕКА НА TOFALARIA.RU
ВЫКЛАДЫВАЕТСЯ ТОЛЬКО ЛУЧШЕЕ ИЗ МИРА ПЕЧАТНОГО
СЛОВА О САЯНАХ

ЖИЗНЬ ПОЛНА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
БИБЛИОТЕКА НА TOFALARIA.RU
ВЫКЛАДЫВАЕТСЯ ТОЛЬКО ЛУЧШЕЕ ИЗ МИРА ПЕЧАТНОГО СЛОВА О САЯНАХ

1974. КРАСНОЯРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

М. Пуссе
СЕМЬ ПОХОДОВ
ПО ВОСТОЧНОМУ
САЯНУ
ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ЖИЗНЬ ПОЛНА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
БИБЛИОТЕКА НА TOFALARIA.RU
ВЫКЛАДЫВАЕТСЯ ТОЛЬКО ЛУЧШЕЕ ИЗ МИРА ПЕЧАТНОГО
СЛОВА О САЯНАХ

Литературная запись
Н. Зайцевой

П 0284 — 088 54-74
М 147(03)74

© Красноярское книжное издательство, 1974 г.

ЖИЗНЬ ПОЛНА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
БИБЛИОТЕКА НА TOFALARIA.RU
ВЫКЛАДЫВАЕТСЯ ТОЛЬКО ЛУЧШЕЕ ИЗ МИРА ПЕЧАТНОГО
СЛОВА О САЯНАХ

От редакции

В книге, как это видно из ее названия, семь очерков, или точнее описание семи путешествий, совершенных автором в Восточные Саяны в течение семи лет, начиная с 1959 года.

Хотя в книге описываются события десятилетней давности, тем не менее она и сейчас читается с интересом.

Тайга, горы, бурные реки, неповторимые пейзажи, охота, рыбалка — кого все это оставит равнодушным? А люди, которые живут в этих местах? Охотники, рыбаки, механизаторы, геологи, пилоты — вот чьим трудом преобразается этот край. С некоторыми из них читатель познакомится и увидит, что они трудолюбивы, мужественны, гостеприимны.

Но к запискам М. Пуссе необходимо сделать такое замечание. В последние годы, с целью охраны природы, охотничье законодательство резко изменилось. Если в первой половине 60-х годов в большинстве районов страны, в том числе и в Саянах, бурый медведь причислялся к вредным хищникам, подлежащим отстрелу круглый год, то теперь современные правила охоты требуют к хищникам более разумного и бережного отношения.

Изменились и правила спортивного туризма. Они требуют, чтобы в походах повышенной сложности, таких как, например, в Саяны, группы туристов состояли не менее, чем из шести подготовленных человек.

Все эти обстоятельства нужно иметь в виду при чтении этой книги.

БУРНЫЙ КАЗЫР

Мысль побывать в Саянах, огромном горнотаежном массиве, расположенном на юге Сибири между Алтаем и озером Байкал, зародилась у меня впервые в 1958 году, когда я прочитал книгу Г. А. Федосеева «Мы идем по Восточному Саяну».

Судьба людей из экспедиции, приключения, которые они пережили, обилие встреч с хищниками, все это заинтересовало меня и навлекло на мысль об организации очередного летнего путешествия в этот интересный край.

Для первого похода избрали Казыр. Это самая мощная из восточносаянских рек, пересекающая горы на большом протяжении. Смущало только одно: можно ли по этой реке плыть? Федосеев, посетивший ее верховья, в своей книге писал: «...Казыр, страшно смотреть как скачет он по крутым валунам, сжимаясь в узких берегах и низвергая все, что попытается помериться с ним силой. Удивительно, как ни надоест ему сокрушительный бег, рев и вечная злоба...». Желание побывать в этом необжитом углу страны, жажда охотничьих приключений давили сомнения. Решено!

Первым человеком, который увлекся этой идеей, был мой товарищ и сослуживец Вениамин Глебов. Возможность совершить интересный поход «в духе Джека Лондона» по краю, в котором на сотни километров нет людей, —

разве это не достаточно увлекательная перспектива? Друг даже дал шутовую подписку: «...Обязуюсь участвовать в 1959 году в походе по Саянам. Решение мое окончательное и обжалованию не подлежит. Дано в трезвом виде, здравом уме и памяти...»

Началась предподходная переписка и подготовка...

В сентябре пришел ответ из Верхней Гутары. Сельсовет сообщал:

«Ежегодно к нам приезжают туристы для изучения нашей местности. Сообщение с нами только самолетами, которые летают из Нижнеудинска. По нашим рекам плавают, в большинстве, на плотах, с мая по октябрь. Некоторые туристы привозили с собой резиновые лодки, но, по-видимому, ими не пользовались. Проводника и оленей сможете нанять в нашем колхозе... Приезжайте и посмотрите наши Саяны. В 1959 году ждем всех вас в Верхней Гутаре...».

Удивительное совпадение произошло в первых числах марта.

Во время одного довольно скучного собрания из задних рядов мне передали газету «Комсомольская правда» за 1 марта 1959 года. В ней была помещена документальная повесть Владимира Чивилихина «Серебряные рельсы».

Оказывается, еще в 1942 году, точно по маршруту, который запланировали мы, двигалась экспедиция изыскателей, определявшая возможность строительства железной дороги Абакан — Нижнеудинск. Члены экспедиции Александр Кошурников, Алексей Журавлев, Константин Стофато погибли...

16 мая 1959 года мы выехали из Архангельска, имея 140 кг груза.

В составе нашего маленького отряда три человека. Самому младшему из нас, Володе Дворкину, — высокому, крепко сложенному парню, — 24 года, старшему, то есть мне, — 31 год.

Из Нижнеудинска вылетели утром. При перелете через горы наш «АН-2» около часа сильно болтало, и вот, наконец, мы увидели небольшой поселок на берегу реки. Это последний населенный пункт на нашем пути. Его коренные жители — тофалары, или тофы — малочисленная народность, живущая в Саянских горах.

Самолет ложится в глубокий вираж. Под крылом наклонившаяся земля, все увеличивающиеся квадраты строений, а в стороне — правильный прямоугольник, как мы узнали впоследствии, — питомник серебристых лисиц.

Наконец колеса плавно коснулись поверхности зеленого луга. Мы на месте. Сегодня 23 мая.

Самолет подрулил к небольшой избушке, возле которой стояло четверо мужчин. Тут же телега с лошадьёю.

«Туристов к нам прилетает много», — говорит светловолосый парень, назвавшийся Геннадием.

До поселка менее километра, и пока движемся к нему, с любопытством рассматриваем окружающий нас ландшафт. Кругом высокие горы, и поселок как бы во впадине.

Председатель колхоза «Красный тофалар»

Александр Иванович Щекин отнесся к нам весьма доброжелательно и пообещал организовать выезд завтра же. Наняли 7 оленей на 13 дней пути, по цене 15 рублей за один олене-день. Тут же познакомились с проводником — тофом, Григорием Ивановичем Тутаевым. «До Ванькиной избушки, — это в верховьях Казыра, затратим шесть суток», — отвечает он на наши расспросы. «Самое главное — перебраться через перевал. До того как он станет свободным для прохода — еще суток двадцать. Рано вы приехали».

В правление колхоза заходит все больше и больше колхозников. Все они говорят о наших планах как-то неопределенно, и наконец становится понятно, чего не договаривают люди. Почти никто, или точнее сказать, никто не верит, что можно на резиновой шлюпке плыть по Казыру, да еще в половодье. Было много попыток плавания по реке, и все они кончались печально. «Кинооператоры плыли — один утонул, — говорит Тутаев, — и туристы до Ванькиной избушки не доплыли, налетели на завал, одного утопили, правда его откачать удалось, а все снаряжение погибло. А ведь тогда была малая вода...»

Весь остаток дня трудились не покладая рук. Для транспортировки на оленях нужна тара мягкая, и мешки хорошо удовлетворяют этому требованию. Нужно только, чтобы их общий вес не превышал 30 кг. Два мешка, перекинутые через деревянное седло и перехваченные под брюхом оленя длинным ремнем, удобны для перевозки.

Продуктов мы закупили на сорок суток. Ограничивать себя из-за веса не приходилось: до

верховьев Казыра все повезут олени, а там — на лодке. Сухарей в магазине не оказалось, и мы были довольны, что привезли их с собой.

24 мая, в воскресенье, начали поход.

Солнце стояло уже высоко, когда отправились в путь. До вечера намечено пройти километров шестнадцать. Дремлющие в вековом покое горы, напоенный ароматом цветов воздух, залитая ослепительным солнцем речная долина нас сразу очаровали. Все смеялись, шутили, были в приподнятом настроении. Горная тропа, поднимавшаяся вдоль берега Гутары, очень удобна, и за какие-нибудь четыре часа мы подошли к берегу реки в том месте, где в Гутару впадает ее правобережный приток Иден. Здесь переходить на противоположный берег. Переправа оказалась непростой, так как вода уже начала подниматься. Тутаев сел на головного быка, показал нам направление брода и ввел оленей в воду. Вся связка зацокала копытами по каменистому перекату.

Мы переходили с шестами, и порядком вымокли. Вениамина же чуть не снесло. На остановке у подножия горы, где мы сушились у тофаларского шалаша, Григорий Иванович предложил изменить маршрут по Казыру с таким расчетом, чтобы не пришлось переходить и его правобережный приток Прямой Казыр. «Вода сильно прибывает. Опасно. Надо перейти Казыр в верховье и двигаться его левым берегом...» Предложение, конечно, было принято безоговорочно. Навязывать отлично знающему этот район человеку свое мнение было просто неумно.

Часов в семь вечера Григорий, рассматри-

вая в бинокль уходящий ввысь склон горы, сказал: «Зверь пасется». В Сибири зверем называют марала, лося, северного оленя. Мы стали поочередно смотреть в бинокль. «Утром зверь кормится внизу у леса, — пояснил Григорий, — а вечером вверх».

Понемногу темнеет. Расплываются неясные уже силуэты пасущихся у подножия горы оленей.

«Спать будем? — спрашивает проводник. Кто желает, берите потники, — он кивает в сторону груды шкур. — На одну ложитесь, другой покройте!» Разбираем их и, конечно, не по две, а гораздо больше. Однако сразу нам лечь не удалось. Потянул ветерок, порывы валили пламя костра. Палатку ставить надо. Растаскиваем по земле довольно большое полотнище. Затем набрасываем его с наветренной стороны на постоянно стоящий здесь остов шалаша. Удобно! От ветра и дождя защищает и костер можно жечь внутри.

«Слушай, Гриша, — интересуюсь я, — много ли еще людей твоего народа живет в Саянах и где?.. Или все тофалары в Верхней Гутаре?» «Нет, не только у нас. В Саянах нас наберется человек шестьсот. Вот, например, в Алыгджере, Нижней Гутаре живут... Раньше тофы и в других районах гор кочевали. Гибло много от обвалов, болезней. Однажды нашли стоянку, одни скелеты... А почему умерли люди — никто не знает. Теперь все в колхозах. Вместо чумов — избы. Дети в школах учатся. Образованных стало много. Среди тофов даже летчик есть. А у меня, — Григорий засмеялся, — только четыре класса. Зачем мне больше! Охотой промышлять больше не надо! И без

образования меня выдвинули от колхоза на сельскохозяйственную выставку в Москву». Мы и раньше слышали, что он является лучшим охотником колхоза. Больше всех добывает медведя и соболя.

«Гриша, — спрашивает Володя, — а сколько у тебя на счету медведей?»

«Не то пятьдесят, не то шестьдесят. Раньше считал, а теперь со счета сбился». «А в армии ты был?» «Был...»

Понемногу засыпаем. За костром ухаживать никому не хочется. Под шкурами и так терпимо.

На следующее утро Григорий повел нас вверх по Идену. Идем то левым, то правым берегом. Подъем отнимает много сил, с непривычки мучает одышка, пот. Местами берега Идена покрыты довольно толстыми ледяными полями. На них дается отдых оленям.

Часам к пяти вечера прошли 18 километров и остановились на ночевку в трех километрах от перевала. Завтра будем его штурмовать.

Развьючив оленей, Григорий пропускает привязанный к узде ремешок между ног животного и, подтянув им голову, привязывает его выше коленного сгиба к задней ноге оленя. Такой вид спутывания дает возможность пасть, но отбивает желание куда-то убежать. Пытаюсь угостить ближайшего оленя, у него большие грустные глаза, хлебом. Это вызывает смех. «Это не лошадь, он хлеб есть не будет, ему мох подавай». Зато соль жи-

вотные лизали с явным удовольствием.

Пока Глебов и Дворкин возятся с костром, я занялся ужином. Зачерпнув в Идене пару бачков воды, повесил их на таганок. Заправленный рисом суп, булка с маслом, кофе со сгущенкой вызвали оживление на наших усталых лицах. Блаженствует и собака, ей тоже перепадает.

После ужина Григорий встал и, закинув карабин за спину, заявил, что идет посмотреть, как выглядит тропа, ведущая на перевал. За ним убегает и пес.

Нас беспокоит завтрашний день. Удастся ли форсировать перевал? От этого зависит судьба нашего маршрута. Отпускное время не позволяет высидивать здесь и ожидать, когда просядет снег.

Возвратившийся через часок Григорий заявил: «Видел медведя, раскапывающего нору бурундука. Выстрелить не успел — он удрал. Был у меня пес хороший, в одиночку медведя держал. А этот только бурундука и белку гоняет.

А побежал медведь туда, — Григорий указал рукой куда-то за Иден, — на перевал не пошел, снег глубокий, не пройди ему». Последние слова меня настораживают. Это что, намек? «Вот гостинец от мишки вам», — продолжает Григорий и высыпает на разложенную на земле куртку две больших пригоршни кедровых орехов.

Собака тянется носом к нам, но после сердитого окрика проводника, поджав хвост, отходит в сторону. По ее глазам чувствуется, что

хозяина она боится и знает, что он ее не любит.

«Зад опалила в костре, — ворчит Гутаев, — отрастет шерсть, пристрелю, — рукавицы сделаю». Мы с сожалением и сочувствием смотрим на пса. Действительно «собачья жизнь»...

Неопределенные высказывания Григория о возможности перехода через перевал все больше тревожат нас. Обычно он открывается примерно к 15 июня, а сегодня 25 мая. А вдруг проводник не захочет мучиться и скажет, что его не перейти, и нужно ждать? «Уж очень рано вы приехали, — ворчит он. — Еще никогда в это время не приходилось ходить сюда!»

Следующие сутки прошли в тяжелом труде. Мы посменно протаптываем траншею, по которой идут олени. Местами утопаем в снегу настолько, что приходится ползти. Григорий Иванович выбирает по возможности южные склоны горы, где меньше снега и кое-где видна уже покрытая буреломом земля.

К восьми вечера удалось пройти всего несколько километров. Обойдя с левой стороны небольшое замерзшее озерко, вышли на Иденский перевал. Несмотря на сильную усталость и предстоящую несладкую ночевку в «трубе», где ветры гуляют и очень мало дров для костра, мы довольны и оживленно обмениваемся мнениями о перспективах завтрашнего спуска.

Где-то вдалеке грохочет обвал. В этот вечер мы слышали их многократно. Видели и лавину. Зрелище довольно внушительное.

Уже к темноте туман полз к вершинам. Он

густел, клубился. Сырость окутывала нас. Костер горел неохотно, и мы по очереди его раздували.

Берега Малой Кишты, вдоль которой сегодня движется наш караван, тоже в глубоком снегу, но под уклон идти конечно уже легче.

Привал сделали километрах в трех от правобережного притока Кишты — тут нас сразу же осадили тревожно стрекочущие кедровки. «Вредная птица», — злится Тутаев. — Охотиться мешает...»

На склонах гор много следов кабарги. Проводник рассказывает, что весной самка хорошо идет на зов кабаржонка. На крики теленка идет и мишка. Охота на кабаргу запрещена, а вот насчет медведя это, конечно, интересно, и я около часа перенимаю тофаларскую науку. Сделал из подсушенной на костре бересты четыре манка, дую в них так, что в глазах темно становится, но кроме змеиного шипения ничего из своего изделия извлечь не могу. Но вот из пятого, наконец, полились жалобные крики...

На следующий день, когда продолжали спуск вдоль Кишты, Григорий познакомил нас с черемшой. Всем понравился ее своеобразный вкус. У нас на Севере она не растет.

Когда до Казыра осталось километра четыре, наш караван остановился у затески на дереве.

15.X.42 Нач. экспедиции Абакан — Нижнеудинск. Трое уплыли по Казыру в гор. Минусинск, а пятеро поехали в Нижнеудинск.

13.X.42. Здесь прошла экспедиция под названием «Сибиртранспроект».

Для этого мы с Дворкиным перебрались на каменистый островок на середине реки и, поймав брошенную Глебовым веревку, перетянули груженую шлюпку к себе. После разгрузки Глебов за другой конец перетянул лодку к себе. Потом перебросили веревку проводнику и все повторили сначала.

«Очень хорошо, что не пошли правым берегом. Через Прямой Казыр в такую воду уже не перейти», — говорит Григорий. Подсушились у костра, напились чаю и двинулись левым берегом. Шли по заросшей малозаметной тропке, сопровождаемые грохотом Казыра. «Тухлая вода скоро», — говорит проводник. «Наши раньше здесь лечились». Вскоре олени остановились около истоптанной каменистой россыпи, напоминающей дно пересохшего озера. Стали осматривать сероводородный источник. «Снимай, снимай», — закричал вдруг Григорий. Но сфотографировать убегающую самку марала я не успел. За маралухой почему-то пустились в бег и наши олени, и проводник их не без труда остановил. «Как крепко затаились. Если бы не Узнай, прошли бы мимо». Но больше всех раздосадован я. ФЭД держался на «товсь». И вот кадр упущен.

Ночевали у каньона, в котором бесился Казыр. Григорий этой стоянкой недоволен — нет корма оленям. Я спустился к воде. Жуткое место: поток разъяренно бил в каменную стену и, отскочив, устремлялся куда-то вниз. «Вот вольются притоки Прямой и Левый, Казыр станет полноводнее и спокойнее», — утешает Григорий.

За седьмой день похода удалось пройти

только тринадцать километров. Остановились в кишашем рябчиками леске, это уже в паре километров от Левого Казыра.

К вечеру опять занепогодило. Всю ночь и утро лил дождь, в реке сильно поднялась вода. Через Левый Казыр теперь уже не переправиться, и поневоле мы сделали выходной. Сегодня Григорий много рассказывал о верховьях Левого Казыра. Там, на перевале, его любимые уголья, есть охотничья изба. Не раз он отражал на перевале в Уду нашествия волков, выкладывая на их пути отравленные приманки. «Большая беда, если волки с Уды прорвутся к нам. Много оленей погубят». Он поминал и какую-то пещеру с луками и стрелами, которая осталась в том райском уголке от его предков.

Переправа через Левый Казыр была тоже непростой. Оленей переводили налегке, снаряжение переправили на шлюпке. Напряжение дня привело к тому, что Володя чуть не поссорился с проводником. Смешно было бы после стольких дней трудного пути расстаться недовольными друг другом.

За девятый день прошли всего три километра и в конце концов уперлись в скалу. Дальше пути не было. «Отсюда уже можно плыть к Ванькиной избушке. Опасный залом в верховьях Казыра мы уже обошли», — пояснил проводник. Григорий подарил нам три стареньких потника. «На земле спать сейчас холодно». Потом стали прощаться. Вынули флягу, пригубили на счастье... Наиболее сердечно проводник прощался с Дворкиным, чему я в душе не мог не подивиться — ведь вчера они сильно поссорились. Мне же заявил: «Если

вам взбредет в такое время года снова сюда приехать, больше не пойду!». На том и расстались. Последней его фразой было: «Осторожней у Прорвы».

А денек сегодня опять на славу. Казалось, никогда еще не светило так ярко солнце, никогда так не бодрила пропитанная запахом кедра горная весна. Нас несло рукавом между островами. Течение здесь умеренное, километров десять в час. и мы размечтались: «Вот так бы всегда». Минут через пятнадцать скорость начала увеличиваться, и вдруг Глебов закричал: «Избушка, избушка!».

Мы налегли на все три весла, и через несколько минут зацепились за прибрежные кусты прямо против Ванькиной избушки — прибежище верх-гутаринцев, забирающихся сюда поздней осенью на промысел соболя. Сразу же приступили к пересортировке снаряжения.

Приняли меры предосторожности. В три пустых рюкзака уложили резиновые мешочки с аварийным запасом продовольствия, боезапас, документы. Для увеличения плавучести, устойчивости шлюпки, и предохранения ее от ударов о камни собрали из заранее сшитой сатиновой «трубы» и надутых волейбольных камер предохранительный пояс. Его привязали к уключинам и на носу. Одно ружье и спиннинг привязали также к уключине. Так мы готовились к плаванию по весеннему Казыру.

Первый день сплава мы провели без особых приключений. Вода в реке уже поднялась и многие опасные перекаты и камни пре-

одолели «поверху». На отдельных бурных участках нас несколько раз сильно захлестнуло, но приятно греющее солнце скомпенсировало эту мелкую неприятность. «Изба!..»

Пока друзья сушились у костра, я быстро сходил вверх по бурному правобережному притоку — он впадает в Казыр ниже избы. Что это за приток? Как все-таки плохо без карты!

На следующий день плыть стало труднее и рискованнее. Крутые повороты чередовались с бурливыми шиверами. Местами река буквально кипела. На берегах много причудливо ошестинившегося наносника. Мы не отдыхали ни мгновения. Чтобы избежать многочисленных опасностей, гребли непрерывно. За крутым поворотом, на сыром мысу, видели лосиху с двумя нескладными лосятами. На стремительно пронесшуюся лодку звери не обратили никакого внимания.

К концу третьего часа плавания нас стало так захлестывать, что волей-неволей решили остановиться на сушку. Но и это не просто! Так несет, что, схватившись за куст, рискуешь быть выброшенным из лодки. Приходится тормозить постепенно. Схватишь — отпустишь. И так несколько раз.

Бугор, на который мы сегодня вышли, очень крут. Хозяйничать здесь неудобно. Резиновый куль порвался и добрую треть намокших продуктов вываливаем на землю. Та же судьба и у подаренных нашим проводником оленьих шкур. Они намокли, стали пудовыми и просушить их до начала плавания нет никакой возможности. До самой темноты над рекой мотаются гуси.

Наступило четвертое июня. От берега оттолкнулись в полдевятого. Через двадцать минут на крутом правом берегу показалась еще одна охотничья изба. Ниже ее в Казыр впадал бурный приток. Попытки пристать к берегу, и обследовать избу оказались безуспешными. Река совсем взбесилась...

В одном месте повезло. Заворот течения поджал нас к берегу. Решили посмотреть, что за поворотом, и увидели два огромных камня посреди реки. О них с грохотом разбивалась струя. Еще немного, и нам бы довелось испытать судьбу. Перетащили лодку берегом. За каким-то из бесчисленных поворотов нас прибило к сырому острову, и посадило на отмель. За весла братья не торопились, заметили уже, что заворот течения нас скоро потянет дальше.

Неожиданно метрах в десяти слева, в чаще, я почувствовал медленное шевеление. Медведь, медведь!!! Рука потащила из шлюпки двустволку. Мишка медленно двигался к берегу и через мгновение вышел на открытое место. Выстрел эхом ушел в горы. Медведь осел задом и, подняв правую лапу, круто повернулся к нам. В этот момент поток подхватил лодку и быстро понес ее от острова. Гребите!» — отчаянно закричал я. Изо всех сил налегли мы на весла. Прыгаю прямо в воду. Привязав лодку, бежим вдоль берега, потом через ручеек. В чаще не можем найти нужное место. Изготовившись к выстрелу, продвигаюсь вперед. Вот он! Задом к нам лежит небольшой мишка. Много ли нужно для счастья городского охотника? В другое время я, наверное, заплясал бы, но

очевидно сказывается усталость. После фотографирования занялись разделкой туши. Все сходятся на том, что по случаю такой удачи необходимо сделать генеральный привал. Надо только сменить место, на сыром острове с приятностью не отдохнешь. Бурный поток снова подхватил лодку, и уже через минуту остров остался за поворотом.

Как хорошо все идет! И плавание, и охота. И какая погода стоит! Глаз не открыть — такое солнце. Когда впереди снова послышался шум, не без труда зацепились за берег, и Володя Дворкин пошел посмотреть — можно ли плыть дальше. Через несколько минут он возвратился. «Ничего особенного!» Оттолкнулись и, сильно загребая на середину струи, понеслись к повороту. Шум становится сильнее. Такого мы еще ни разу не слышали! Шум перешел в грохот, и когда все усиливающееся течение поволокло нас в сужающуюся трубу, мы, наконец, увидели всю панораму порога.

Правый берег был завален наносником. Идущий под уклон, сжатый сошедшимися берегами поток с ревом мчался среди подводных камней. Их присутствие под водой угадывалось по стоячим волнам и беспорядочной их толчее.

Почувствовав, что лодку быстро разворачивает, я закричал: «Носом вправо!». Мы сделали несколько отчаянных гребков, и тут несущаяся со скоростью автомашины шлюпка влетела в толчею волн. Миг — и описав в воздухе сальто, лодка перевернулась. Я успел схватиться за расположенный в носу металлический клапан и повис под днищем низвергавшейся куда-то лодки. Холодная и отчего-то

спокойная мысль: «Конец, сейчас ударит о камни», — мелькнула в голове. Не хватало воздуха. Из всех сил загребая свободной рукой, я старался не оторваться от лодки, как вдруг почувствовал ногами дно. Течение прижало нас к берегу. Высунув голову из-под днища, я потянул лодку на мель и вдруг заметил, что сбоку за спасательный леер держится только Дворкин. «Где Венька?» — крикнул ему я. «Здесь...» Оказывается, Глебов держался за леер с противоположной стороны лодки.

Бредем на берег. Мешает бурелом, ноги скользят. Отойдя от воды на метр-другой, повалились на раскаленную солнцем гальку.

Осмотрелись. Шлюпка цела, но совершенно пуста. Снаряжение — мы раньше его привязывали — именно в этот момент оказалось не пристегнутым. Утонуло все, в том числе и оружие. На мне и Вениамине Глебове остались аварийные рюкзаки, в которых в резиновых мешках был небольшой запас самого необходимого. Долго бродили мы вдоль берега в надежде найти что-нибудь из выброшенных рекой вещей, но тщетно. Из оружия сохранились два длинных ножа. В двух резиновых мешочках, извлеченных из рюкзаков, оказалось килограмма два сухарей, четыре двухсотграммовых пшеничных концентрата, десять коробков спичек и теперь уже бесполезные боезапас и пленки.

От Ванькиной избушки, по нашим подсчетам, мы проплыли километров сто. Кругом — непроходимая тайга и горы. Сколько километров еще плыть до людных мест — неизвестно. Нет подробной карты. Пятнадцать походов по Архангельской области прошли у меня бла-

гополучно, и вот первая осечка. И вспомнилась невольно цивилихинская фраза: «Эх, Казыр, Казыр — злая, непутевая река...» Молча сидели на берегу и думали, думали... Мучали сомнения. Куда идти? Плыть дальше, в расчете проскочить на «ура»? Для этого нужны продукты. Днем вода начнет падать, камни вылезут наружу, а течение весеннее, бешеное. Придется часто обходить препятствия, надувать и стравливать шлюпку. На это затратишь много дней. А если прокол? Чинить-то нечем. Еще труднее отказаться от задуманного плана, когда преодолено столько трудностей.

Снова ходим вдоль берега — не выброшено ли чего-нибудь? Но кроме куртки, зацепившейся за наносник, ничего не обнаружили. В конце концов решили возвращаться в Верхнюю Гутару. «Если бы найти замокшие сухари — хватит дотянуть до людей!»

Занялись шлюпкой. Для облегчения ее вырезали дно, а все остальное и насос забрали с собой.

Рано утром 5 июня началось наше возвращение. Идем скоро и энергично. Уже к вечеру дошли до бурного притока, который, как оказалось, совершенно невозможно перейти. За весь этот день ели один раз. Все меню состояло из двух столовых ложек сахарной крошки на человека, сваренных в алюминиевых кружках. Туда же было брошено по щепотке соли и несколько листочков черемши, придававших нашему вареву привкус щей.

Следующие сутки начались с бесплодных поисков переправы через преградившую путь реку.

В одном месте, где посредине реки был ост-

ровок, мы пытались навести переправу. Но безуспешно. Деревья сразу же уносил бурный поток. Ничего не оставалось, как решиться переплыть на другую сторону Казыра на остатках нашей лодки.

Часа два затратили на надувание булей. привязывание шлюпочным леером сверху их толстых жердей. Вырубили и небольшие весла. Сидя верхом на баллонах и упираясь ногами в деревянную решетку из жердей, отдаемся на волю течения, бьющего здесь в противоположный берег.

Струя нас обманула, протащила мимо берега. Мы уже потеряли надежду пристать, когда неожиданное завихрение воды снова принесло нас к берегу. Снова идем, вокруг нас вспархивают рябчики. Уже в сумерках сделали привал.

Назавтра, двигаясь левым берегом Казыра, мы достигли места, где по утверждению Дворкина была наша стоянка, на которой мы выбросили замокшие сухари, шкуры-потники и т. д. Но все это было на противоположном берегу реки. Три часа было затрачено, чтобы на булях переправиться через Казыр. Не очень-то верилось, что так легко удастся найти столь драгоценный для нас груз, однако нам повезло. От ямки, в которую в свое время была ссыпана замокшая крошка, тянуло кислым запахом, вокруг же тучи мух и целые армии муравьев. Стараясь по возможности меньше черпать земли и насекомых, Глебов осторожно собрал это месиво.

Выброшенные шкуры опятьгодились. Вениамин и Володя сделали в них отверстия для головы. И очень довольны обновкой. Вот

обида — не работает фотоаппарат. Какие получились бы кадры! Робинзон выглядел культурнее.

Идти в этот день было особенно тяжело. Сплошной бурелом. Сил тратим много, а расстояние съедается очень медленно. Вдоль берегов Казыра непролазная чаща черновой тайги. Еще Кошурников в своих дневниках отмечал, что окружающие реку склоны гор от Запевалихи до Саянского порога покрыты гибником. Конечно, и сейчас мертвых деревьев, тем более бурелома, тьма, но глаза радуется свежая поросль березы, осины, ольхи, рябины. Не за горами время, когда в их тени подрастет привычный для здешней тайги хвойный лес. Да и тайга-то теперь совсем не безжизненна. Вокруг звериные следы, тропки...

Начиная с сегодняшнего дня, увеличили рацион до четырех ложек сухарной крошки в сутки. Основная же еда — черемша. Часто отдыхаем. Очевидно, начинает сказываться недоедание. Иногда нас осаждают клещи. Больше всего их в сухостое, валежнике, но особенно на тропках. На тропе клещей больше чем в тайге раз в двадцать, а особенно они опасны с мая по июль. От укуса этой микроскопической букашки можно заболеть страшной болезнью — энцефалитом. Клещ присасывается в самых разных частях тела и от присасывания до заболевания проходит дней пять-пятнадцать. Известны нам и симптомы: повышение температуры и потеря сознания. Мы их не на шутку побаиваемся и регулярно осматриваемся. В одном месте натолкнулись на маленькую охотничью избушку, которую во время сплава не видели —

она закрыта островком. Глебов, пролезший в нее первый, издал радостный крик. Под потолком мешочек с сахарной крошкой: «Килограмм будет!» На деревянной полочке бутылка, наполовину заполненная жиром. Конечно, мы ринулись обыскивать все вокруг и около, — авось где-нибудь есть съестное, но увы, впустую.

Иногда мы находили гнезда куликов-перевозчиков.

А одиннадцатого июня даже добыли «мясо». Сидели днем на берегу, отдыхали, смотрели на проносящиеся в стремительной струе коряги. Неожиданно Вениамин ткнул меня: «Смотри!» Прямо на нас плыл через реку небольшой зверек. Убили его палкой. Ободранный колонок был тощ и жилист. Варить его пришлось бесконечно долго и все равно мясо не прожевывалось. Настоящая резина! Вениамин заикнулся было, не съесть ли, дескать, и шкуру, но из-за опасения за его желудок, последнюю немедленно утопили в Казыре.

Сегодня перебрали мощный обвал. Он порос невероятным количеством черемши, и мы долго на ней «паслись». К вечеру четырнадцатого июня перешли ряд ручьев и проток. Довольно ясная тропка вывела нас в конце концов к уже знакомой нам «Ванькиной избушке». Таким образом, вниз по реке плыли восемь часов, а шли обратно десять суток. Такова скорость весеннего сплава!

Непрерывно лил дождь, и единственным утешением для нас было то, что здесь началась тропка, обозначенная затесками. До жилья теперь не более пяти дней пути.

На рассвете семнадцатого июня форсировали Прямой Казыр.

Переправа нам доставила несколько тревожных мгновений. У Дворкина — он самый рослый и шел в «стенке» выше по течению, свело ноги от студеной воды. Нашу «стенку» стало сносить. Но все кончилось благополучно.

Через три часа достигли реки Большая Кишта. Тропа подвела нас к построенному еще в 1941 году для нужд существовавшего в то время в Тофаларии соболиного заповедника «Чертову мосту». Внешне он вроде бы еще крепок. На многочисленных затесках поломанных перил масса надписей туристов, местных жителей. Например: «Мост испытан. Переведена лошадь и олень». Но наш проводник предупреждал, что ему пора уже рухнуть. Не без опаски мы его покачали. Выдержит ли? Потом стали переходить. Под мостом ад. На глубине в двадцать пять метров в узком каменном ущелье теснился и рвался на свободу бешеный поток. Шесть метров идем по бревнам моста и облегченно вздыхаем. Снова на твердой земле.

За следующий день удалось пройти всю Кишту. Миновав колоссальные поля черемши, не без труда вскарабкались на перевал. Как же быстро меняется обстановка! Весна-то шла вместе с нами! В местах, где двадцать дней назад лежала толща снега, теперь зеленело, краснело, белело сплошное море цветов. Сколько тут жарков и аквилегий! За 19 июня, последний день похода, мы выжали из себя все. Прошли 35 километров!

В 5 часов вечера впереди показался Гутаринский аэродром. Пошли в магазин. Нельзя

сказать, что нас терзал голод. Это чувство уже притупилось. Ведь сегодня кончились пятнадцатые сутки перехода, за которые мы прошли более двухсот километров. Купив всего необходимого, мы по старой памяти зашли к Геннадию. Мать Геннадия поила нас парным молоком. Здесь мы впервые рассмотрели, как сильно изменились наши лица. Вениамин и Володя опухли от голода, а я ужасно исхудал.

Александр Иванович Щекин председатель колхоза и совершенно незнакомые люди предлагали помочь деньгами. Мы с благодарностью отказались. До Нижнеудинска хватит, там получим переводы.

У меня, да и у обоих моих друзей, на душе было как-то беспокойно. По Казыру проплыть насквозь, как планировали, не удалось. Это чувство отравляло даже благополучный исход наших странствий.

Наши рассказы об увиденном, пережитом интересовали жителей Гутары. Тофалары не плавают по рекам, а соблюют только до Ванькиной избушки и прилегающей к ней местности. Ниже этого уголья они Казыр не знают.

Григорий Иванович Тутаев — наш проводник, оказывается, тоже набедовал при возвращении, чуть не утопил оленей в Левом Казыре и вынужден был трое суток ждать спада воды. Возвращаясь же домой, он добыл медведя.

В воскресенье, а часто и в понедельник самолеты в Гутару не летают. Мы ловили хариусов, знакомились с жизнью и бытом гутарин-

цев. Рассказывая о соболевках и белковании, нам говорили: «Когда начинается сезон, соболевать уходят все, даже председатель. Зарботки хорошие. За соболя нам платят от 170 до 1200 рублей (в старых деньгах), в зависимости от качества шкурки: чем темнее, тем дороже. За белку — по десятке, за мясо зверя — по четыре рубля за килограмм...».

Уже когда ехали в поезде, Вениамин Глебов пошутил: «Вот и кончился наш отдых. Выйдем на работу, начнем отдыхать от отпуска».

В этом походе мы много увидели, немало узнали. Испытали свои характеры в борьбе с силами природы. Отсутствие в продаже подробных карт заставило нас исследовать Казыр «на ощупь», но мы ни о чем не жалели. То, что искали, мы нашли. Уезжая из этого замечательного края, мы чувствовали себя альпинистами, едва избегшими сорвавшейся лавины. К сожалению, мы не взяли намеченную вершину, но ведь любая дорога начинается с первого шага.

В ДЕБРИ ВОСТОЧНОГО САЯНА

11 мая 1960 года мы опять вылетели из Нижнеудинска. Мой сослуживец Александр Борисов и Володя Чабаненко — двадцатитрехлетний рабочий, член Ленинградского турклуба — прильнули к иллюминаторам.

Посматривая на заснеженные Саяны, на

скованные льдом ленты рек, я думал о том, как сложится наше путешествие. Довольно сильный попутный ветер ускорил наш перелет, и через час десять минут мы, наконец, увидели Гутару. Описав над аэродромом круг, летчик круто бросил самолет в глубь ущелья. Еще минута — и мы на знакомой земле. Об этом мгновении я мечтал целый год.

На краю аэродрома вырос новый добротный дом, белеющий свежеструганными бревнами. Около него нас встретили незнакомые люди. От них я узнал, что Геннадий, у которого мы останавливались в прошлом году, в поселке уже не живет. «Председатель колхоза Щекин и проводник Григорий Тутаев в горах, а сейчас заведует всем заместитель председателя Василий Ильич Пустохин».

Товарищи остались ожидать, лошадь для перевозки груза с аэродрома в Гутару, а я пошел в поселок, чтобы подыскать место, где можно было бы остановиться на ночь. По пути к правлению колхоза встретил много знакомых. Люди интересовались, почему не приехали мои прошлогодние товарищи Володя Дворкин и Вениамин Глебов. Я ответил, что служебные обстоятельства не позволили им снова принять участие в походе, но они здоровы и передавали всем привет.

В правлении встретился с Василием Ильичем. Он усомнился в возможности заброски наших грузов на Орзагай. «Снегу много — не пройти. И в прошлом году отпуск у вас ранний был, а в этом совсем неподходящий. Тутаев в тайге, а кроме него никто уверенно не проведет. Оленей погубить можно. Да вы не расстраивайтесь, он должен вот-вот вернуться».

Но все затруднения разрешились сами собой: вечером из тайги вернулся Григорий. Встреча была радостной. Мы обнялись и расцеловались.

Он сказал, что обязательно пойдет с нами: «Отдохну только день... И проведу на Орзагай...»

Когда были решены все организационные вопросы, я повел Григория знакомиться со спутниками.

Утром Саша и Володя, встав пораньше, решили пройтись вдоль реки, посмотреть, как выглядит еще не проснувшийся поселок, а я занялся грузами. Кроме того, мне необходимо было поговорить со знающими людьми об условиях плавания на плоту по Агулу и Кану. Ведь выходить из Центрального Саяна мы планировали по одной из этих рек.

Мои спутники вернулись через час возбужденные. На опушке видели рябчиков, причем Володя, как рыбак, раздвигал руки и уверял меня, что они были «вот такие»...

На окраине Гутары можно увидеть не только рябчика, сюда в прошлый наш приезд даже рысь забралась, хотела лисицей из питомника закусить.

Прибежал мальчонка: «Дяденька, из тайги вернулся Щекин!». Конечно, сразу же пошел к нему. Посидели, поговорили. Жизнью все довольны. Заработок из года в год лучше.

«Соболевали в этом году хорошо, — говорит Александр Иванович, — некоторые по пятьдесят соболей добыли за полтора месяца. А пятьдесят даже самых обычных соболей дают колхознику от десяти до пятнадцати ты-

сяч рублей. Я и сам промышлял в паре с Тутаевым...»

Между тем погода испортилась. Сначала поселок утонул в холодном тумане, затем пошел мелкий дождь, его сменила снежная крупа, опять дождь...

На другой день проснулись мы довольно рано. Володя выглянул в окно и восторженно проговорил: «Погода — мечта!»

Как и в прошлом году, Григорий назначил выход на послеобеденное время. Оленей он привел часов в одиннадцать и мы занялись работой. Целый час возились с тюками и ремнями.

Пока Григорий занимался оленями, проверял оружие и запас патронов, в чем ему помогала его супруга, кстати сказать, русская, мы с Сашей Борисовым сделали по несколько фотоснимков.

Но вот, наконец, все готово. Можно начинать поход.

Сегодня 12 мая 1960 года. Дорога, по которой мы идем, ведет нас к речке Каменке. Она сейчас покрыта толстым льдом. По льду Каменки идти немного скользко, но в целом легко и даже приятно. «Вечером придем в стойбище, — говорит Григорий, — там возьмем собаку, работающую по медведю».

А пока нас сопровождает мой старый знакомый Узнай. Это из него в прошлом году Григорий грозился сделать рукавицы. Оказывается, пес купил себе право на жизнь удачной работой по соболю.

Вскоре начали карабкаться на Сопи-гору. Меткое название! Нам действительно пришлось здесь и посопеть и попотеть. Есть, прав-

да, способ облегчить себе движение на подъем: надо ухватиться за подхвостник концевого в связке оленя, но едущий верхом Григорий косится на нас и ворчит. Приходится оставить оленей в покое...

Километров через девять, это уже на гольце, сделали короткую остановку. Оленям нужно отдохнуть да и нам чайку попить не мешает.

Вскоре достигли Сухого, потом и Мокрого Инджигея, и путь стал совсем легким.

Григорий Иванович сообщает, что скоро достигнем стойбища, в котором остановимся на ночевку. «Посмотрите новорожденных олешков», — говорит он.

Действительно, вскоре мы увидели впереди переходящих реку оленей, а еще через пару минут — разбросанные вдоль обрывистого берега реки пастушьи чумы. Бродили олени и на ближайшем холме. Отелившиеся самки, чтобы они не увели молодняк в тайгу, были привязаны к поваленным деревьям. С десяток уже крупных годовалых олешков, бросились нам навстречу и, смешно похрюкивая, стали обнюхивать наших оленей. Но самое забавное, конечно, «осмотр», который они учинили нашему Узнаю. Пес бросался на них, жался к проводнику, пытался убежать, но ничего не получилось. Четыре-пять подростков легко догнали его и, окружив со всех сторон, пытались понюхать у него... под хвостом.

«Вот так молодняк оленей по-глупому и гибнет. Увидят волка и вместо того, чтобы от него убежать, сами к нему, лезут. А серому этого только и надо», — говорит Григорий.

Мы разгрузили оленей, и проводник, спутав их, пустил в стадо.

Нас пригласили в чум. Пастуший чум — это жильё из девятнадцати-двадцати высоких жердей, скрепленных вместе и обтянутых брезентом. Вверху метровое отверстие для выхода дыма от костра. Внутри него застлано оленьими шкурами. На них ватные одеяла, подушки с цветными наволочками. На стенах много разного оружия.

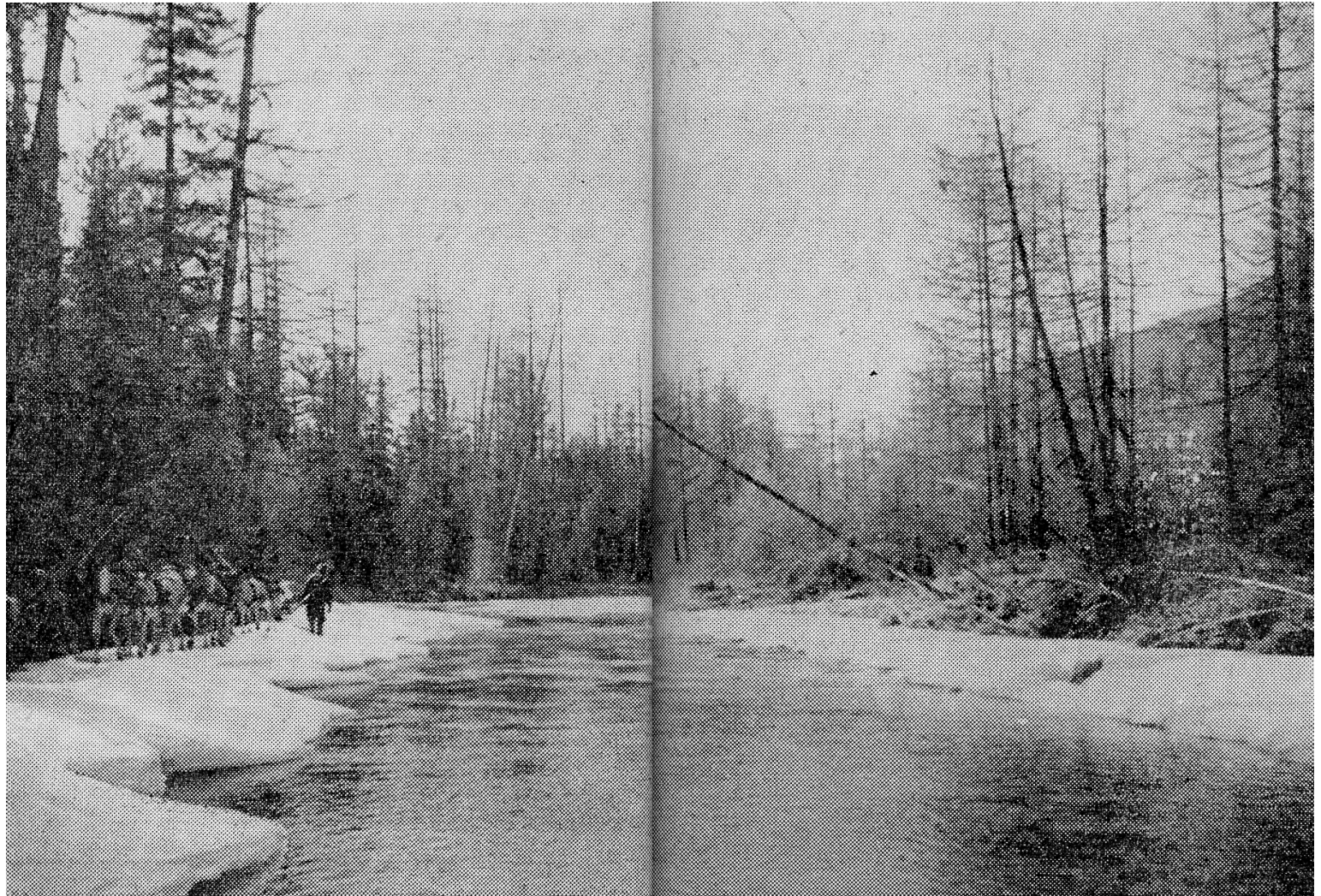
После сытного ужина Григорий лег на изюбриную шкуру, вынул из оленьей сумы журнал «Охота и охотничье хозяйство», стал перелистывать и читать.

Мы вышли на свежий воздух. Всех беспокоит погода. Днём светило солнце, а сейчас тучи, снег, ветрено. В чуме становится заметно прохладнее.

Я разговорился с хозяином жилья, довольно молодым парнем, о том, как они уберігают свое стадо от хищников, т. е. волков, рысей, медведей и росомах. Когда дошли до филинов и коршунов — опасных врагов новорожденных телят, — все время прислушивавшийся к нам Саша неожиданно заявил: «Рядом с чумом есть ель. На ней я видел два горящих глаза, не иначе там сидит филин!».

Приходится вылезать из-под шкур, брать у Григория малопульку и идти убивать злодея.

Вниз на Агулу

Но оказалось, что в темноте Саша принял соседний чум за ель, а вылетающие искры от костра — за глаза филина. Товарищ сконфуженно оправдывается.

Проснулись мы часов в шесть. Холодно так, что зуб на зуб не попадает. Подбросив в костерок дров, сажусь писать дневник.

Саша вышел на воздух, и сейчас же мы услышали его восхищенный возглас: «Идите сюда, посмотрите, как красиво!»

За ночь выпал свежий снег, и лежащие вокруг стойбища олени выглядят какими-то сказочными изваяниями. Кругом так бело, что глазам больно.

Володя занялся физзарядкой. От этого пробудился весь лагерь. Собаки тофаларов, никогда, очевидно, не видевшие подобных телодвижений, повскакали со своих мест и, задыхаясь от ярости, начали рваться на своих сворках.

Поглядывая на Володю, Саша стал было декламировать что-то шутивное о физкультуре, но затем, поразмыслив, присоединился к товарищу.

Согревшись завтраком, начали укладываться. Григорий пошел собирать оленей. За ночь они ушли довольно далеко, так что проводник привел их только через час. Теперь в составе каравана появился еще один спутник: черно-белой окраски довольно мрачный пес Акол. Он и плетется замыкающим, почти касаясь носом копыт оленя.

— Отойдем подальше от стойбища — отвяжу, — говорит проводник. А сейчас отпустишь — убежит.

Идем по льду Инджигея, потом его правым

берегом поднимаемся к верховьям и через седловину спускаемся в ручей пастухов, а затем на лед Тагула. Час идем по этой реке, потом еще долго вверх по его притоку. Этим сложным путем проводник ведет нас к перевалу на реку Малый Сигач.

За этот день прошли около шестнадцати километров, и в восемь вечера решили сделать привал. Надо набраться сил для завтрашнего штурма перевала.

Полужинав, начали укладываться. Сегодня первая ночевка в тайге. Становится все холодней и холодней, а ведь главные заморозки будут только к рассвету. Гриша выдал каждому для подстилки один-два потника. Накрывались же суконными одеялами и брезентом.

Узнай бесцеремонно залезает ко мне на подстилку, так мы с ним и засыпаем.

Разбудил нас олень. Чем-то его привлекла наша жестяная банка с сухарями. Может быть, рассматривая ее, он увидел свое отражение. Но он неожиданно так оглушительно лягнул ее, что даже Григорий подскочил, как ужаленный и заругался: «У... у, чтоб тебя...».

Вскоре стало светать. И сразу проснулась тайга.

Я подошел к елке, вокруг которой метался и лаял Акол. Около вершины ее ползала белочка, на ветку ее выше — самец. Голова его повернута куда-то влево. Оказывается, там соперник. И на соседнем дереве прячутся зверьки. Свадьба!

В полдень начали движение. Раньше проводник не идет, ждет, когда под солнечными лучами смягчится снег. Так легче идти оленям,

не поранят ноги об наст. А вот людям идти гораздо труднее: проваливаешься в снег по пояс.

Лезем по крутому склону к перевалу, за которым должен открыться бассейн реки Малый Сигач. Шли очень долго. Григорий и Володя ушли далеко вперед. Чем ближе к вершине заснеженных гольцов, там чаще и чаще начали встречаться белые куропатки.

С перевальной точки открываются нескончаемые снежные просторы. Как красиво! От ослепительно сверкающего снега приходится щурить глаза. Чего доброго, начнется снежная слепота. Надеваем защитные очки.

Цепочка следов, оставляемых нашим караваном, тянется бесконечной, теряющейся где-то внизу лентой.

Начали спускаться вниз. Сначала идти было легко, надувной снег у вершины не давал ногам вязнуть. Но потом все изменилось: все чаще и чаще начинает проваливаться идущий впереди Григорий; цепляясь вьюками за край снежной траншеи, натужно тянутся за ним олени. Саша и Володя перелезают к нему и идут гуськом, приминая снег. Так мы шли, а иногда буквально катились.

Впереди показалось дно расщелины. Неожиданно Григорий остановился. Я и сам уже увидел, что привлекло его внимание — наш путь пересек совершенно свежий след медведя средней величины. Проверяю ружье. Заряженное пулевыми патронами, оно изготовлено к внезапной схватке. Вскоре след теряется где-то в глубине ущелья.

Опять олени останавливаются. Григорий указывает Саше и Володе на лежащую в снегу задранную кабаргу. «Собаки задрали». Во-

лодя немедленно предлагает взять ее с собой, он давно мечтал о мясном изобилии. Григорий недовольно посматривает на него.

Проводник идет дальше. Володя и Саша, поглядывая на кабаргу, обращаются ко мне: «Может, он вас послушает?» Я отрицательно машу головой: «Брать не будем». Все и так уже ясно. Пока шел спор, я потрогал животное. Труп холодный! Кабаргу не могли задрать только что пробежавшие собаки. Она погибла от соболя. Это понятно по характеру ее раны. Я знаю, что Григорий человек «сам себе на уме» и решил посмеяться над неразбирающимися в охотничьем деле друзьями.

Выходим на лед ключа, падающего в Малый Сигач, и, идя по нему, устремляемся к обрыву-ледопаду метров пятнадцати высотой. Справа — крутейшие утесы, слева — заснеженные горы. Свежий медвежий след, тянувшийся параллельно нашему пути, уходит по карнизу правого берега куда-то вверх. Нам с оленями там не пройти.

Осторожно приближаемся к краю обрыва. Внизу опять виден медвежий след. Значит, мишка все-таки обошел ледопад и умудрился спуститься вниз. Нужно искать выход и нам.

Отошли метров сто назад и, проваливаясь в глубокий снег, стали карабкаться на левый берег, он более пологий. Опять натолкнулись на очень крупный след топтыгина. Следы этих хищников тянутся к Сигачу. Собаки куда-то исчезли, только один Григорий говорит, что слышит их слабый лай: «В ключе они, за медведем пошли».

Начинает темнеть, и мы не имеем возможно-

сти отвлекаться охотой. Нужно успеть дойти до места остановки, где есть корм для оленей. Последний участок идем очень быстро и останавливаемся в километре от реки Сигач. Наступила темнота: ведь уже половина одиннадцатого.

В этот день удалось пройти только двенадцать километров. Уж очень сложен маршрут — горы и глубокий снег. Уморились ужасно. Поскольку все чаще и чаще стали встречать медвежьи следы, сегодня утром я решил идти вперед еще до выхода каравана. Разминуться нам никак нельзя, так как идти будем по льду реки Сигач.

Взял рюкзак с бутербродами, фотоаппарат, ружье и побрел. Пытался заманить с собой и собак, но несмотря на то, что на всем пути я их усиленно подкармливал, они за мной не идут.

Слепит речной лед. Иду, соблюдая осторожность: во льду начинают появляться трещины.

Шел так часов до пяти вечера. За это время встретил лишь двух быков — маралов, неторопливо пробежавших метрах в сорока от меня.

Часов в семь на мой костерок пожаловали Акол и Узнай, а еще через четверть часа подошел и караван. Не задерживаясь, проводник уводит оленей на противоположный берег: «Там стоянка есть». Мы уже привыкли, что стоянкой Григорий называет пригодное для кормежки оленей место.

И действительно, мы увидели кострище, жерди шалаша, а потом и великолепный участок предгорья, покрытый пушистым ягелем.

...Уже совсем стемнело, а мы все угощались добычей Григория — крупными хариусами.

Утром я договорился с друзьями, что опять пойду вперед и остановлюсь не позже пяти вечера на левобережной тропе.

Этот участок оказался очень тяжелым. Узкое ущелье с высокими берегами покрыто непролазной чащей. Временами из-под глубокого снега на проталинах показывается звериная тропа, но затем снова уходит под снег. И все-таки ее не потеряешь. Я иду по следу медведя, который тоже имеет привычку выбирать дорогу попроще и движется точно над заваленной снегом тропой. В одном из пересекающих дорогу ключей его след круто сворачивает в гору. Теперь нам не по пути. Уже далеко за полдень на тропе появляются огромные отпечатки. Очень могучий экземпляр. Медведь идет в нужном мне направлении, и я устремляюсь за ним. Но через полчаса и он уходит в гору.

В пятом часу вечера я решил остановиться. Тропа так высоко над рекой, что в просвете между деревьями мне виден только провал ее ущелья. А само русло где-то внизу.

Разжег костер и съел свой бутерброд. Маловато, но скоро должны появиться товарищи. Клонит в сон. На свежем воздухе и аппетит и сон прекрасный.

Прошел сегодня не так-то уж и много, километров девяносто. Но ведь это горной тропой и по глубокому снегу.

А солнце между тем уползло за гору, и сразу резко похолодало. На ближней елочке снует бурундучок. Стоит мне только сделать резкое движение, например, подбросить сучки в

костер — он издает пронзительный свист. «Видно ночь придется провести у твоей хаты, — адресуюсь я к нему, — уж потерпи...»

Ночь прошла быстро; хотя мне пришлось трудновато: я без ватника, нет топора, а следовательно, и хорошего костра.

В шесть утра, тщательно затушив костер и подвесив поперек тропы, на видном месте, записку для Григория, я пошел к устью Сигача.

Дорога чем дальше, тем все тяжелей. Крутые подъемы и спуски, заснеженные склоны до того измотали меня, что я невольно стал понемногу спускаться к руслу реки. Еще сверху, со скалы, я заметил на льду Сигача следы, оставленные нашим караваном. Прошли, и еще вчера!

Теперь уже ничего не оставалось, как ускорить шаг и догонять своих.

Река меняла свой вид буквально на глазах. Следы от резиновых сопог Саши и Володи, они видны лучше, чем следы проводника, — стали все чаще и чаще обрываться у края полыней, а продолжались с их противоположной стороны. Это значило, что лед обвалился уже после их прохода. В одном месте олени круто свернули влево и ушли на береговой склон, а следы Володи и Саши продолжались по льду реки.

Все шире и шире становится русло. Чувствуется, что не так-то уж и далеко до устья.

Горы понемногу отступают, оставляя место залесенным террасам, и следы наших оленей снова выходят на реку. Я облегченно вздыхаю.

Слева в чаще промелькнуло что-то бурое. Вниз по реке убежал сохатый.

В восемь часов я достиг, наконец, устья Сигача и вышел на песчаный пляж реки Большой Агул. Сразу же потерял след. Берега здесь буквально истоптаны копытами животных, и мне пришлось выстрелить. Издалека закричали, через минуту выскочил Узнай.

После обеда пошли знакомиться с Агульским озером. До него от нашей стоянки меньше часа хода. Спугнули несколько рябчиков, а на реке и озере видели уток и гусей.

Агульское озеро — из него и берет начало Большой Агул — одиннадцатикилометровый водоем с солидными глубинами, есть яма до ста четырех метров! Западные и восточные берега — скалистые обрывы. Верхгутаринцы ловят у истока реки тайменей и хариусов.

Между тем опять захвохтал бурундучок и смолкли птахи. Помрачневший лес словно замер. Скорей в лагерь! Под брезент мы нырнули порядком промокшие, проглотили по кружке горячего чая — спасибо заботливому Григорию, — и тут же заснули.

Всю ночь лил проливной дождь, но утро снова ласковое, солнечное.

За этот день мы прошли километров шестнадцать. Перед сном договариваюсь с Володей, что завтра, не ожидая начала движения каравана, снова пойдем с ним вперед.

Вышли часов в восемь. Дважды спугивали рябчиков, затем белочку. Наконец, добрались до указанных проводником гарей. Когда-то здесь был большой пожар, и все вокруг лежащие горы покрыты непроходимым буреломом. Очень много лосяного и медвежьего следа.

Мы разожгли костерок, легли отдохнуть. У меня мрачное настроение. Сегодня уже вось-

мые сутки похода, а я не встретил ни одного медведя. А если так будет и дальше? Собак-то у нас своих нет. Завтра мы должны прийти в устье реки Сын-Орт-Тхой, и Григорий нас покинет.

Вскоре нас догнали Акол и Узнай, а минут через десять показался караван. На головном олене ехал Григорий.

Поскольку вечер был не за горами, проводник предложил нам форсировать перевал.

Пройдя немного вверх по ручью, оглядываюсь в сторону оставшихся за бугром друзей: скоро они там, что ли? С минуту постоял, прислушался. Тут случилось чудо. Справа на гребне бугра я услышал взбreh собаки. В тот же миг увидел: медведь! Акол бежал за лениво трусящим параллельно ручью мишкой. Расстояние было метров шестьдесят. Мгновение — и ружье у плеча. Выстрел под лопатку повалил его, но через секунду он поднялся с земли и скрылся за бугром. Медведь побежал как раз к костру моих друзей. Я ринулся на бугор, но глубокий снег на склоне задержал меня.

То ли костер напугал медведя, то ли Акол сделал свое дело, только в метрах тридцати справа затрещал валежник, и среди деревьев снова замелькала бурая туша. Медведь быстро шел прямо на меня. Дважды стреляю в грудь. Мишка опять опрокинулся. Бегущий за ним Акол, воспользовавшись этим, уцепил его за ногу. Обозленный топтыгин вскочил и умудрился-таки, как-то сверху махнув головой, достать собаку. Много ли нужно псу? Теперь уже пытался убежать он, точнее не убежать, а уходить. Лапы у него неестественно расставлены...

Воспользовавшись этим, успеваю всунуть в ствол еще один патрон. После этого выстрела медведь уже не поднимается.

Выстрелы привлекли людей и возвратили проводника. Они, конечно, понимали, что такую канонаду я мог устроить только по медведю. «Марк Васильевич, — гремел Володя, — поздравляю!»

Медведь небольшой. Гриша рассматривает раны, сделанные в туше зверя. Три пули в районе сердца и легких, одна в спине. «Живучи же они бывают, — рассуждает проводник. С пульей в сердце медведь может пробежать до двухсот шагов».

Теперь уже делать нечего, раз добыли мишку — будем здесь ночевать.

— Нам-то хорошо, — говорит Григорий, — а оленям тут кушать нечего. В горях ягель не растет. Пока он развьючивает животных и складывает грузы, мы занялись фотографированием. По такому случаю в ход пущены все три фотоаппарата. Это для надежности. Я хотел сфотографировать медведя вместе с Аколом, но он всех сторонится и выглядит больным.

Зато Узнай, который в течение всей битвы тявкал на топтыгина с довольно солидной дистанции теперь улегся рядом с медведем и ожидающе уставился в объектив: снимайте, мол, меня.

— Клещ вот меня сегодня укусил. Больно что-то, — жалуется проводник. Это всех настораживает. Укусы клещей ранней весной особенно опасны.

Перевал в Сын-Орт-Тхой оказался не из сложных, и когда Григорий вывел нас на этот

узенький, но довольно глубокий ручей, мы сразу почувствовали: где-то рядом Орзогай. Горы тут расступаются, образуя широкую заболоченную долину. Очень много звериного следа.

А вот и Орзогай. Противоположный берег этой реки огражден горами, а за ними недалеко и Медвежье озеро. Собаки умчались вверх по реке. «По медведю», — определил проводник. — «В это время года лось убегает в низовье, а медведь — в верховье».

Григорий заворачивает вправо, обходя заболоченное место, и вскоре подводит нас к полусгнившей, без крыши избе. Здесь мы и должны расстаться. Проводнику нужно немедленно возвращаться к Агульскому озеру: вот-вот начнется половодье, и надо успеть проскочить по льду, забрать для сдачи в колхоз мясо трех медведей. Но как назло сбежали собаки, и проводник вынужден их ждать...

Закипела работа. В «избушке» создается базовый запас из привезенных на оленях продуктов, снаряжения. Чтобы его не разграбили медведи и росомахи, набрасываем везде стреляные гильзы, металлические предметы.

С собой в рюкзаки берем запас на полмесяца — должно хватить на исследование Кинзелюка.

Собаки возвратились в два часа ночи, а на рассвете двадцатого мая мы простились с Григорием. На душе у всех кисло. Привыкли друг к другу, подружились. Еще долго смотрели на все уменьшающийся силуэт всадника, освободившихся от ноши оленей. Уже после отъезда товарищи обнаружили: проводник забыл патронташ с патронами. Сначала затревожи-

лись, но потом вспомнили, что основной запас их он хранит в седельных сумках.

Теперь наш путь — вверх по Орзогаю, и мы горбимся под двадцатипятикилограммовыми рюкзаками. При переходе через Сын-Орт-Тхой (его ширина в устье четыре-пять метров) Саша выкупался, но на противоположный берег все-таки перебрали.

Шли часа три, но вот жаркое солнце растопило снег, и мы стали искать место для отдыха. Костер развели на приятном пляжике Орзогая.

— Там, — я показал пальцем в сторону верховья, — теперь уже никто, кроме медведя, нам не встретится.

Все посмотрели в сторону моего авторитетно протянутого пальца и замерли... метрах в ста от нас из береговой чащи вылез бородатый детина, одетый в живописнейшие лохмотья. Через плечо у него был перекинут карабин. Я приглашающе махнул рукой. Незнакомец помахал тоже. Удивлению обеих сторон не было предела.

— Подумать только, — говорил парень, — в такой глуши и в такое время года. Как вы умудрились сюда забраться?

— Но вы-то забрались?

— Нас закинул вертолет. Мы из геологической экспедиции. Я радист, зовут Валентин Косенко.

— Вот оно что! Это та самая экспедиция, о которой писал мне из Кан-Оклера Пермьяков.

Мы, в свою очередь, тоже представились. Валентин сразу же говорит:

— Обязательно погостите у нас. Тезка Семейко — мы живем с ним вдвоем, страшно

обрадуется, ведь мы с марта не видели людей.

Через полтора часа тропка подвела нас к переправе — несколькими поваленным деревьям. Перейдя на левый берег Орзогая, вскоре достигли двух маленьких избушек. Одна из них жильё, в ней — заваленные опальными мешками нары, металлическая печурка, столик с рацией. Другая — склад продуктов.

— В марте нас забросили сюда вертолетом, — рассказывали геологи. — Расчистили снег на бугре, рабочие помогли поставить две избушки, завезли продукты. Когда сезон начнется, вертолеты будут нарасхват, — и экспедиции уже их не заказать.

У гостеприимных геологов провели весь день. Налегке прогулялись к устью Сурунцинского ключа, до которого от избушек километров пять.

Чтобы не идти обратно той же дорогой, а также надеясь столкнуться с «потапом» — как зовут медведя оба Валентина, — мы перешли на другой берег Орзогая. Наш путь дважды пересекают уходящие к верховьям медвежьих следы. Везде много снега, идти очень трудно. Как-то мы будем штурмовать завтра перевал?

Вернулись домой часов в десять вечера. Только в разведке прошли более двенадцати километров, но без рюкзаков совсем не устали. Валентин Косенко угостил нас киселем, и мы пили его с таким же удовольствием, с каким наши хозяйка ели медвежатину.

Мне и Саше предложили лечь в избушке, на земле, а Володе с Валентином, на нары. Но Володя заявил, что предпочитает спать на

свежем воздухе. Забрав свой спальный мешок он устроился у дверей избушки. Провожая его, Саша съехидничал: «Если почувствуешь, что мешок кто-то уносит, не думай, что это мы шутим... ори громче».

Проснулись рано. За стеной напевает наш друг:

«Лучший отдых туризм, Лучший отдых туризм, Отдых лучше туризма».

Песня всем нравится. «Вот вы ее и пойте, — говорит Семейко, — когда полезете на перевал».

К устью Сурунцинского ручья нас проводили оба Валентина, причем Семейко, несмотря на протесты, взвалил на себя мой рюкзак. «Еще находитесь!»

Идти по ручью все труднее и труднее. Местами проваливаемся в снег по пояс. Приходится ползти на четвереньках. Там, где позволяет глубина ручья, спрыгиваем в русло и, борясь за каждый метр, идем по воде. В одном месте увидели сошедшую лавину, — здесь снег поплотнее и метров триста идем по ней, затем опять снежное купание.

Только к вечеру добрались до «развилки» — места, где сливаются оба истока ручья. Тут и заночевали.

За весь этот день удалось пройти только одиннадцать километров.

Поднялись в четыре. Хотим выйти пораньше в надежде на утренний наст. Однако и он не выдерживает: слишком велик вес. Сделаешь шаг — держит, второй — валишься в снежную глуть. Чего мы только не делали. И

ползком продвигались и на четвереньках. Иногда везло. Попадались участки плотного снега. Тут удавалось пройти сотню, другую метров. Интересно, что мы не чувствовали тяжести рюкзаков, как будто их вообще не было. Это потому, что вся наша сила уходила на борьбу со снегом.

По конфигурации гор нам понятно, что перевал где-то близко. Вот мы уже идем характерной седловиной. Все чаще и чаще попадаются свободные от снега зеленые пятна.

Седловина, ведущая к перевалу, вся в маральих и медвежьих следах. Здесь решили отдохнуть. На освободившемся от снега холмике стали раздеваться, сливать из сапог воду...

Володя, он брел противоположной стороной ручейка, буквально плывет в ледяной каше. Еще сотня метров — выберется на мох и он.

Поход продолжили вечером. Озерко, из которого выпадал Сурунцинский ручей, перешли вброд: поверх льда уже гуляет вода. Дальше за карстовыми воронками небольшой хребтик. Уже начинало темнеть, и потому спуск в долину реки Сурунца провели быстро и напрямик — на пятых «точках»... И все-таки не успели. Застряли на сыром месте. Сделали настил из жердей, и при самом дохленьком костре — нет сухих дров, кое-как дотянули до утра.

Рассвет застал нас в пути. Целый час шли, временами даже бежали вниз, но счастье было недолгим. Как только показалось солнце — опять «идем» на четвереньках... Когда устали до смерти, вылезли на покрытый зеленью южный склон горы и, раздевшись догола, загорали. Насколько это нравилось моим товарищам,

настолько измучился я. Жара страшная, спрятаться некуда. В конце концов я не вытерпел и удрал к реке, к спасительному снегу.

Через два дня правый берег реки стал особенно труднопроходим. От сошедших с гор лавин здесь образовались снежные завалы высотой в пятиэтажный дом. Этот участок реки лавиноопасный. Еще наш проводник рассказывал, что при сходе лавины люди и даже громадные деревья отбрасываются воздушной волной на десятки метров, иногда на противоположный берег реки, и мы с большой настороженностью продолжаем свой путь.

Уже неделя, как мы увидели растущий бадан, а сегодня впервые ели черемшу. Стебли ярко-красные, а листочков почти нет. Появились ревень, подснежники и что-то вроде аютиных глазок.

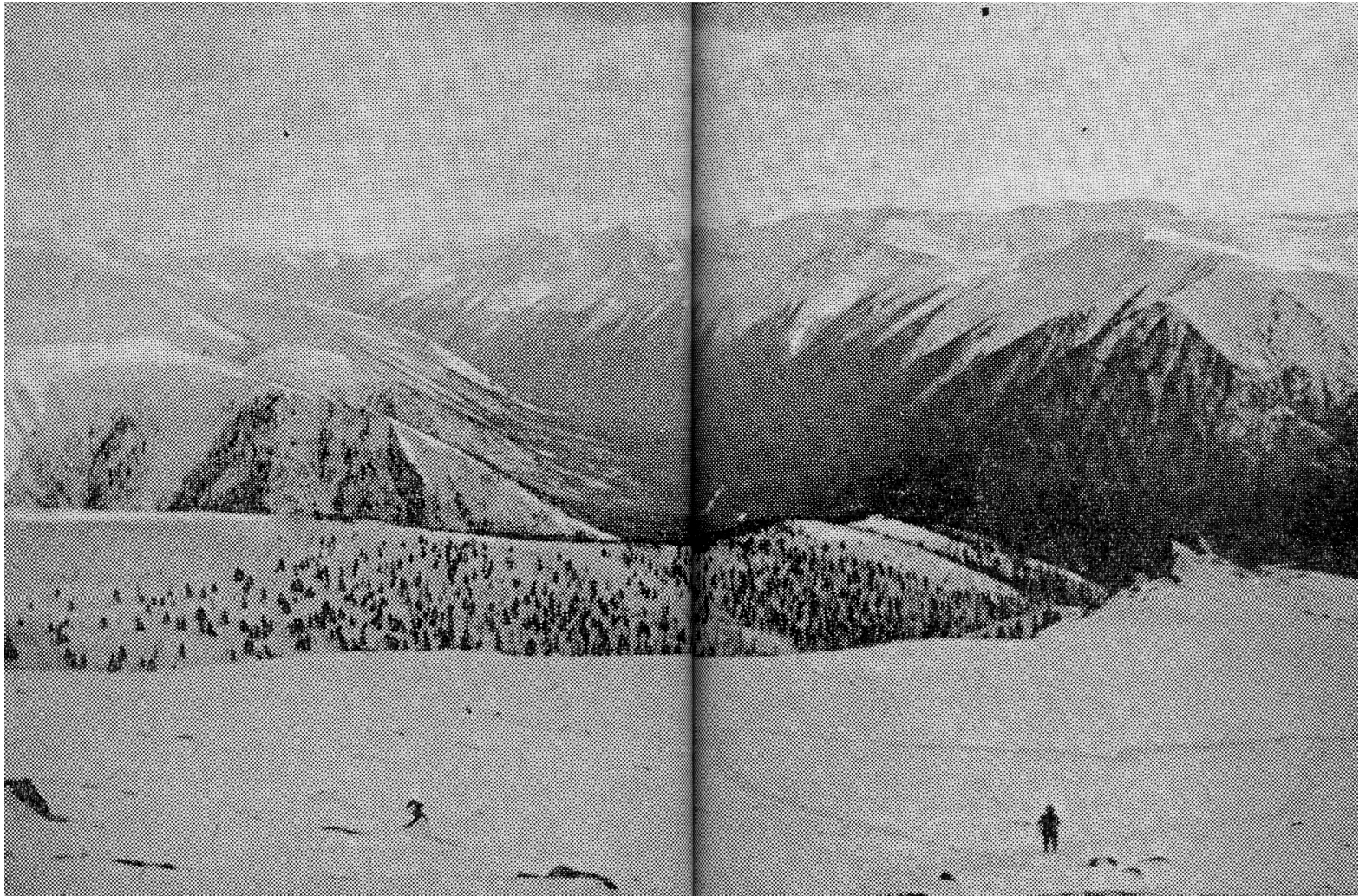
А горы все заворачивают влево. Хотелось к вечеру достичь притока Сурунца, но на нашем пути опять возникли серии сошедших лавин. По этим снежным горам мы ползем совсем медленно. Так и не достигнув цели, в девять вечера остановились на ночлег.

Всю ночь шел снег, а к утру началась метель.

Поскольку надежды на улучшение погоды не было, мы решили идти, несмотря ни на что: надо экономить отпускные дни.

Мы уходим от реки, пытаюсь выйти на речку Белая напрямик, горными склонами.

Дорога к Сигачу

На берегу безымянного ключа, низвергавшего свои воды в глухое ущелье, мы присели отдохнуть. Вода шумит так сильно, что не слышно даже собственного голоса. Володя знаками показал мне, что пойдет вверх посмотреть, нет ли звериной тропы. Уж очень много здесь внизу снега, хорошо бы он ее действительно нашел. Метров через пятьдесят он скрылся в береговых кустах, и по их шевелению мне видно, что он карабкается по склону.

Затем произошло следующее. Метрах в тридцати выше нас, с противоположного берега вылез здоровенный медведище. Вся его настороженная фигура, повернутая в сторону шевелящихся кустов, голова, показывали, что он заметил нашего друга. По-кошачьи спружинив и быстро перебирая лапами, в один миг он перемахнул ручей. До Володи ему оставалось метров сорок. Товарищ ничего не подозревал. Стремительно вскидываю ружье. В грохоте воды почти не слышно выстрела. Хищник мгновенно поворачивает голову к нам и начинает медленно оседать. Стреляю вторично. Все-таки Володя услышал выстрелы: вверх по ручью звук распространяется лучше. Видно, как он бежит к нам.

Окружаем мишку. Падая, он завалился боком в яму, и наши попытки сдвинуть его с места ни к чему не привели. Происшествие всех настораживает. Надо соблюдать осторожность.

Саша смеется над Володей: «Изобретен новый способ охоты. Берется турист, желательнее помоложе и повкусней, выпускается в качестве приманки на ближайший бугорок, и... медведь в сумке»...

Пройдя медвежьей тропой, мы стали спу-

скакать вниз, в характерный приречный лес с глубоким снегом и буреломом. А вот и речка Верхняя Белая. С утра будем пробиваться к ее верховью — к перевалу.

Итак, мы достигли района, где намерены повернуть назад. Отсюда начинается дорога к дому. То, что половина пути закончилась хорошо, явно улучшающаяся погода, привели всех в самое добродушное настроение.

По Белой — она вся в белых бурунах — поднимались левым берегом. Саша не утерпел и сделал попытку перейти реку по перекасту. Его тут же опрокинуло, и мы ждем, пока он отожмет одежду, рюкзак.

Мы с Володей переходим поток по поваленной елочке. Где-то посредине дерева я запутался в ветвях, побалансировал, но удержался. И тут случайность — оторвалась правая ляжка. Полуторापудовый рюкзак завалился влево, и... я составил Саше компанию у костра. День сегодня удивительный, ни малейшего ветерка. Позавидовав нашей бодрости, Володя окунулся добровольно.

Вверх по Белой карабкались еще два дня, а первого июня увидели внизу слева Малый Агул.

После небольшой разведки на перевал решили не идти. Володя предложил спуститься по крутейшему склону. Пересекая свежие медвежьи следы, спустились к ручью, а потом его берегом в болотистую долину Малого Агула. Начавшийся дождь, приближающаяся темнота вынудили нас здесь заночевать. Но отдохнуть не смогли. Попали в самый центр бекасиного тока. Пикирующие самцы — вибрирующими перьями хвоста и крыльев издают звуки бле-

ющего барашка — так всем надоели, что Володя в сердцах обозвал их «мессершмитами».

Долго наблюдали за пасущейся на противоположной стороне долины маралухой, затем — за невесть откуда подобранным к нам сободем. К заходу солнца и ветер и дождь усилились. Долина утонула в тумане. Несладко нам тут пришлось.

Рано утром нас разбудил гость. К верховьям Малого Агула бежал северный олень. Любовались, пока он не скрылся, и снова отправились вниз по реке. Деревья здесь чахлые, «мостик» не соорудишь, и поэтому, переходя на правый берег, мы просто разделись, все на голову, пятьдесят секунд ледяной ванны, а потом сильное растирание и стремительный переход вверх по ручью в правобережную тайгу. Пока лезли на гору, так пропотели, что о простуде и речи быть не могло. На вершине гольца снова вспугиваем куропаток. На одну я чуть не наступил. Идет по снегу в двух шагах впереди и не слетает!

Когда увидели вытекающую из Медвежьего озера речку Озерную, приток Малого Агула, Саша вдруг закричал: «Смотрите, олени!» Скачущего по речному льду оленя догонял волк. Олень несся прыжками, мы ясно слышали удары его копыт. Помочь ему ничем не можем — дистанция с полкилометра. Но вот лед кончился, и зверь стал сразу же быстро отрываться от волка, которому в реке по грудь. Над обоими животными, то взмывая вверх, то планируя, летал черный ворон. Но звери умчались за поворот.

Переночевав на берегу, налегке сходили к истоку Озерной — Медвежьему озеру. До не-

го километра четыре. Побродили по ледяным припаям, местами оголившейся тропе. В отличие от Агульского Медвежье озеро, его длина километров семь, можно обойти береговой тропой. Есть глубины свыше шестидесяти метров, добычливо ловится хариус.

Вернулись к своим рюкзакам, и еще час шли вниз по реке. Заночевали же на берегу глухого ключа. Завтра должны добраться до «наших» геологов и поэтому Саша — он у нас завхоз, подобрел: сварили кисель, из остатков муки наделали галушек, лепешек.

Утром берегом ключа вскарабкались на перевал. Перед нами снова раскинулась Орзогайская долина. За прошедшие полмесяца она сильно изменилась. Почти нет снега, и когда мы спустились вниз, на тропу, даже засомневались, не прошли ли случайно избушки. Но оказалось, идем правильно. Через несколько минут вышли к стоянке геологов. С ходу выпили весь выставленный на улицу кисель. Трижды выстрелили в воздух.

Через час обнимались с обоими Валентинами. «С благополучным возвращением!»

Остаток дня прошел в хозяйственных заботах: брились, мылись, чистили одежду, проявляли пленки. Уютно устроившись вокруг костра, делились новостями.

Руководство экспедиции с «большой земли» — Валентин Косенко опять доложил по радио о нашем появлении — обратилось к нам с просьбой — составить подробное описание троп и перевалов по Кинзелюку и сообщить, появилась ли трава — корм для экспедиционных лошадей. Не советовали идти к Кан-Оклеру, так как двенадцатого к нам прилетит вер-

толет, «на котором вы и возвратитесь». Мы с Володей решили сходить в верховья Орзогая, пообещав вернуться к десятому.

Верховье Орзогая (а шли мы левобережными звериными тропами) нам понравилось: снега почти нет нигде, немало птицы — над рекой гуси, вдоль тропы рябчики. Очень много раскопанных мишками бурундучьих похоронок.

Дважды испугивали маралух. Первая (она лежала в траве на склоне) подпустила метров на сорок, спокойно осмотрела нас и, не торопясь, ушла. На вторую мы наскочили после крутого поворота тропы — это километрах в двух не доходя до рухнувшего в долине реки гигантского сухого кедра. Увидев пасущегося в двадцати метрах зверя, я замер. Идущий сзади Володя налетел на меня. «Кто это?» Самка подняла голову и, смешно растопырив на маленькой головке уши, уставилась на нас. От наших шевелений и перешептывания — Володя стал вытаскивать из моего рюкзака аппарат — маралуха, грациозно подпрыгивая, отскакала подальше. Шутки ради, поманил ее кабарожьим манком — один лежал у меня в кармане. Эффект превзошел все ожидания! Самка заметалась, снова приблизилась к нам в поисках теленка. Оказывается, голоса кабаражонка и мараленка похожи!

Поход в верховья Орзогая занял у нас трое суток. Сузившаяся межгорная котловина вытеснила нас к речке, а потом и совсем мы остановились. Снега в верховьях еще предостаточно.

За время нашего отсутствия наши друзья видели маралуху, лосенка, собрали гербарий

из характерных для Саян растений. Мы раскладывали на листах бумаги и фотографировали на цветную пленку хвойные: кедр, ель, можжевельник, лиственницу, пихту, потом — все, что росло поблизости: стебли чемерицы, корень ревеня, черемшу, даже круглолистную березку. Оба Валентина, лазавшие на голец правого берега, принесли рододендрон даурский. Название растений определяем по книжке Федоровых «Два года в Саянах». Геологи, прочитавшие ее в наше отсутствие «от корки до корки», оказывается, хорошо знакомы с проводниками ботаников. «Стародубцев недавно умер, а Усов и сейчас еще жив!» Орзогай переводится как «дорога к сагаям». Не эта ли племенная группа в то время здесь кочевала? Камасинцы это или тофалары?

По радио сообщили: «Вылет вертолета откладывается...» Опасаясь опоздать из отпуска, решили начать переход к Кану, там рубить салик и плыть самим. На всякий случай оставили летчикам записку, просили, если заметят костер, забрать нас.

Преградивший нам путь Малый Агул переходили невдалеке от огромной лиственницы с гнездом скопы на вершине, — по каменистому перекачу. Искупались все, даже могучий Володя. Уж очень сейчас сильное и бурное течение.

Тропа по берегу Малого Агула неожиданно кончилась. Отвесная скала обрывалась в реку, а обойти ее берегом уже нельзя — вода поднялась. Только приблизились к обрыву — сверху загрохотал камнепад. Нашли более пологий подъем и полезли на гору. По компасу взяли направление на Тукшинское белогорье — оно

отсюда, с горных вершин, совсем близко. Старались идти натоптанными звериными тропами, зная, что они не подведут. По каменистой, покрытой ягелем, а местами редкими кустарниками поверхности белогорья, идти легко и приятно, здесь гуляет прохладный ветерок. Через три дня, когда уже шли по прорезающей его с юга на север тропе, увидели летящий к экспедиции вертолет. «Обратно он может пролететь минут через сорок-пятьдесят». Вскоре тропа подвела нас к разрушенному лабазу, и мы спустились в заболоченную долину. «Скорее костер!»

Друзья, особенно Володя, не очень верят этой затее и не торопятся подтаскивать лапник. Но вот все готово. В центре долины разведен костерик, рядом — гора сухого и сырого лапника. МИ-4 появился внезапно. В костер полетел лапник, я вылил весь пузырек заранее приготовленного бензина, пламя взметнулось, пошел густой дым. Саша и Володя размахивают шестами с привязанными к ним тельняшками. Машина дернулась вправо, наклонила нос, и пошла на костер. Нас заметили! Вертолет описал дугу и сел на лужайку метрах в трехстах от костра. Мы горячо поблагодарили летчика Матюшина и его товарищей. Теперь-то из отпуска не опоздаем!

Через двадцать минут мы были в Кан-Оклере, а еще через десять улетели в Агинское. Здесь экипаж собрался заночевать, и мы, устроившись на попутной машине, преодолели оставшиеся до железнодорожной станции Уяр последние сто шестьдесят километров.

В Красноярске Володя, как он раньше и планировал, едет на турбазу, где собирается

посетить заповедник «Столбы», а мы с Сашей на аэродром.

Много увидели мы в этом четырехсоткилометровом горнотаежном походе за сорок отпускных дней. Немало испытали, нашли новых друзей. Конечно, мы утомлены, но уже теперь, под гул турбин гигантского лайнера, я мечтаю о следующем отпуске и новом маршруте по краю, так неотвратимо манящему к себе.

К ВЕРХОВЬЯМ КИЗИРА

Подготовку третьего похода я начал с декабря 1960 года, решив пройти во время очередного весеннего отпуска по Кизиру, подняться вверх до устья Кинзелюка, а затем самосплавом спуститься вниз по течению. В бассейне этой реки в свое время работала известная экспедиция Г. А. Федосеева.

И вот, когда уже, казалось, все было готово к отъезду, обоих моих товарищей неожиданно отправили в командировку. Отпуск начинался, и я решил ехать один, рассчитывая на помощь местных жителей.

О возможности подъема по Кизиру на моторке я запросил несколько местных сельсоветов. Из Кордовского ответили: «По рассказам охотников и рыбаков, бывавших в верховьях Кизира, расстояние от Кордово до Кинзелюка около 250 км. Подъем значительно усложняется после речки Шинда. Пять порогов и четыре

шиверы приходится обносить сухопутьем. Обнос одного из таких порогов — 500 метров. Моторных лодок у жителей Кордово много, так что договориться можно.

Председатель с/с П. Рашупкина».

Судя по книге «Мы идем по Восточному Саяну» Г. А. Федосеева, Кизир особенно опасен в период весеннего паводка. Его русло засорено огромными камнями, завалами. И вот предстояло пройти реку, которая по своей мощности занимает в Восточных Саянах второе место после Казыра.

Из Ачинска выехал 7 мая. На пути бескрайняя степь и пологие холмы. Растительности почти нет.

Поезд то и дело ныряет в туннели, и тогда купе вагона погружается в полную темноту. Чем ближе к городу, тем выше и лесистее холмы и горы.

Абакан мне понравился. Чистый, хорошо спланированный современный город. От вокзала уходит много автобусов на ближние и дальние расстояния, например, в Туву, на Кызыл.

Из Абакана за 30 минут перелетел на АН-2 в Курагино, а затем на рейсовом автобусе доехал до Кордово.

Дорога здесь не из лучших, зато почти все время идет в непосредственной близости от насыпи строящейся железной дороги Абакан — Тайшет. Уже через год-два в Кордово можно будет ездить поездом прямо из Абакана. До Курагино же уже и сейчас ходит товарняк.

Чем ближе к Кордово, тем типичнее саянские виды — крутые, покрытые густой тайгой холмы.

Утром 10 мая на моторке местного жителя

я добрался до Зимовья, где по словам П. Рашупкиной, можно было найти людей, которые согласились бы уйти со мной в путешествие. Зимовье и расположенный в километре от него поселок Усть-Джеб — последние населенные пункты, выдвинутые в сторону верховьев Кизира. Они уже находятся в достаточно глухой местности, где можно интересно поохотиться.

В Зимовье я привез рекомендательное письмо Рашупкиной, содержащее просьбу помочь мне найти владельца лодки, который согласился бы принять участие в походе. На переговоры ушло полдня. Приходили люди, расспрашивали о походах по Центральному Саяну, тофаларах, беседовали. Владелец моторки Олег Воинов в конце концов согласился. Оставалось найти еще одного: вдвоем моторку и грузы вокруг порогов не обтащить. Поплыли в Усть-Джеб к товарищу Олега, Георгию Спиридонову. Через полчаса нас стало трое. Мои спутники промысловики-охотники, но сейчас они свободны.

Теперь уже ничто не могло помешать нам начать поход. Необходимо, правда, еще обзавестись чуть ли не сотней литров бензина, проверить мотор и запасные части, докупить продуктов и, самое главное, починить моторку. Она, откровенно говоря, для такого плавания не подходит. Слишком мала, вся в трещинах и проволочных скрепках. «Как бы не переломило ее валом, — озабоченно вздыхает Олег (валом он называет волны в шиверах), — и борта у нее низкие».

Однако делать нечего. Приходится довольствоваться этой ненадежной посудинной.

Вышли в середине дня. Моторка с ревом развернулась у берега и набрала скорость. Эта легкая лодчонка с узким и длинным корпусом при десятисильном моторе «Москва» даже против течения способна развить скорость около десяти километров в час.

В первый день плавания нам сопутствовала прекрасная погода. Солнце ослепительно сверкало, вселяя в нас веру в успех похода. Стремительно мчимся вдоль обрывающихся к воде лесистых холмов.

Навстречу плывут плоты. Это с кизирских берегов сплавляется лес в реку Туба — правобережный приток Енисея. На одном из плотов сбоку, на специально изготовленной транцевой доске, установлен подвесной мотор. «Пускают его, когда плот к берегу начинает прижимать», — поясняет Георгий.

Всматриваюсь в тайгу. В книге «Мы идем по Восточному Саяну» Г. А. Федосеев упоминал о гибели лесов от лесных вредителей — монашенки и непарного шелкопряда. «Берега Кизира, — писал он, — в низовьях покрыты погибшим лесом — гибником». Сейчас, спустя три десятилетия, этого уже не скажешь: Кизир лежит в покрытых густой тайгой берегах. Правда, иногда увидишь торчащие гигантские сушины кедров, но они окружены морем живых деревьев.

В одном месте к нам пристроилась моторка, идущая к лагерю экспедиции, который расположился в четырех километрах ниже первого порога. Олег радостно приветствовал: «Гошка, идем вместе!»

Оказывается, владелец этой моторки доставляет продукты для экспедиции. Узнав о цели

нашего похода, изумленно свистит и тут же решительно заявляет: «Не пройдете!»

Олег мрачнеет. Видно по всему, что мнением Гошки он не пренебрегает. «Кто нас гонит, — вмешиваюсь я, — будем двигаться осторожно. Опасные шиверы обтаскивать на бечеве, а если потребуется, в наиболее трудных местах, и по берегу. Пройдем. Только спешить не нужно».

«Ну если уж так, — соглашается владелец второй лодки, — пройдете. Туда пройдете. А вот спускаться будет значительно труднее...»

Миновав правобережные притоки Шинду и Ничку, мы без каких-либо препятствий через четыре с половиной часа подплыли к палаткам раскинувшегося у самого берега лагеря экспедиции. Здесь и решили заночевать.

Несколько человек возились у бензинового движка, который, едва мы вышли на берег, весело затарахтел. В палатках зажглись электролампочки.

В огромной палатке — все население лагеря. Посреди стоит железная печка, по краям — нары, заваленные спальными мешками и всякой одеждой.

Нам предложили устраиваться: «Места хватит всем. Располагайтесь!»

Олег уговаривает Гошку обменяться на время похода лодками: «Твоя покрупнее, крепче, борта высокие. А ты пока и на моей продукты повозишь».

«Ну что же, берите», — соглашается тот.

С утра погрузились в новую лодку. На ее транцевой доске Олег закрепил свой мотор. Прощаемся и отплываем. Сегодня, двенадцатого мая, нам необходимо преодолеть два не-

легких участка: первый порог и Семеновскую шиверу. Экспедиция Федосеева их не проходила, так как вышла от Черемшанки на Казыре, т. е. выше этих препятствий.

Четыре километра до первого порога проскочили мгновенно. Вскоре, миновав островок, увидели и сам порог.

Подшли к правому берегу, как раз к тому месту, где с крутого бугорка падает вниз хорошо заметная, выстланная жердями тропа. Это переволока. Здесь необходимо освобождать лодку от грузов, и тащить ее метров триста в обход порога, ибо он непроходим.

Два часа, и мы снова на плаву.

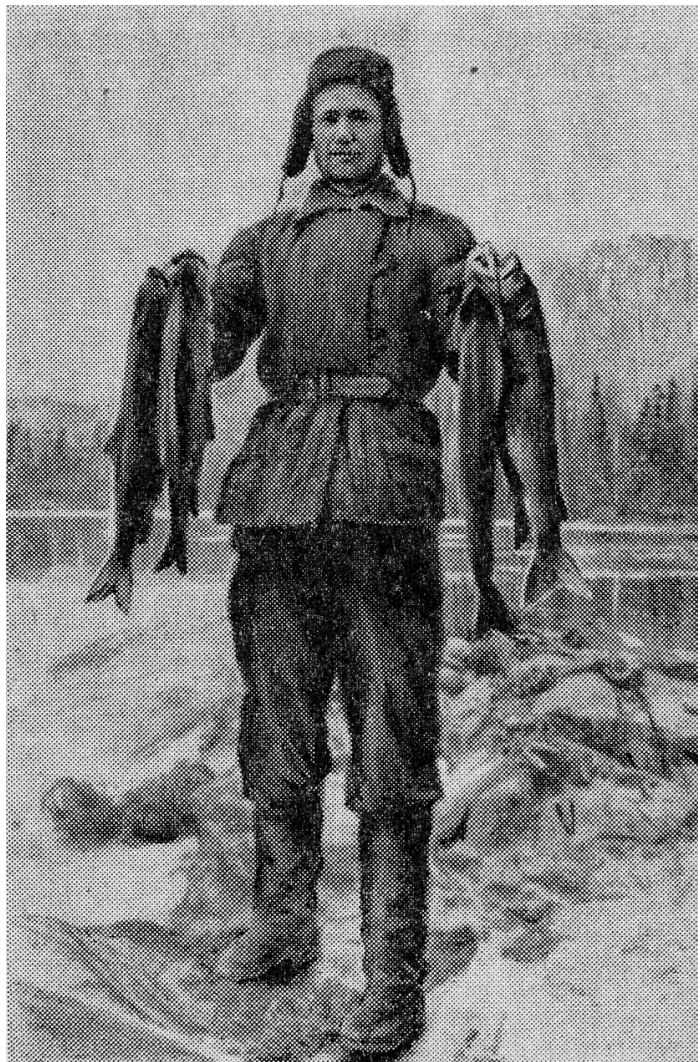
Через семь километров — знаменитая Семеновская шивера. Местное население называет ее «вторым порогом». Семеновская шивера тянется километров на семь и состоит из пяти довольно крупных перекатов, в полную воду почти непроходимых.

Первый перекат — «предбанник» — форсировали ближе к правому берегу. Второй преодолели, подрагрузив моторку. Подвели ее к линии бурунов, левым берегом перетащили тяжелые грузы, и, перегнав лодку через опасный участок, снова загрузили.

Третий — знаменитая «баня». Его преодолевали с особыми предосторожностями. Миновав обрыв на правом берегу, провели немного лодку вдоль берега на бечеве, а затем, раз-

Кизирский рыбак

TOFALARIA.RU

uho-13@mail.ru | uho-13@yandex.ru

грузив ее, ушли ближе к левому берегу. Пройдя посередине между камнями, снова перегнали лодку к правому берегу для загрузки.

На четвертом перекате прижимались к левому берегу реки, а пятый проходили в основном посередине.

Торопиться в Семеновской шивере ни в коем случае нельзя, особенно когда она преодолевается впервые. Десятисильный мотор с трудом боролся с потоком.

Выше Семеновской шиверы сделали на правом берегу видную сверху затеску, а еще часа через два подплыли ко второму порогу. Попытались преодолеть его с ходу, но как ни ревел, ни тужился мотор, поток отбрасывал лодку. Пришлось облегчить ее и начинать новый штурм. Еще миг — и препятствие позади.

Федосеев писал: «Второй порог — ворота в Восточные Саяны». И вот эти ворота пройдены.

На правом берегу обнаружили зимнюю стоянку охотника-промысловика. Порубленный лес, кострище. У шалаша загнившие тушки ободранных соболей. На речном пляже совершенно свежие следы медведя. До шалаша рукой подать, но у самого входа висит старая телогрейка, и хищник полакомиться не решился, прошел мимо. Часа через три остановились на ночевку. Спали, правда, беспокойно: мешали зайцы.

Восход снова застал нас в пути. Незадолго до третьего порога остановились в избушке на правом берегу Андрианихи. Скалистый берег глубоко вдается в реку. С огромных камней интересно полюбоваться дном, и, конечно, поработать спиннингом.

Вверх и вниз от избы прямо с реки видны медвежьи ловушки. Сделаны они из толстых жердей, образующих треугольник. В широкой части насторожены петля из оцинкованного тросика, в узкую, где комли сходятся клином, — бросается тухлое мясо. Добираясь до него, хищник попадает в петлю.

К десяти часам утра подплыли к третьему порогу. Место очень красивое. По правому берегу тянется крутая тропа, по левому — метров сто через холм, надо идти по снегу. Решили перетащить лодку левым берегом.

Еще в Зимовье мы узнали, что вверх по Кизиру уплыли на моторке охотники-промысловики. Им надо забрать лодки, оставленные за третьим порогом осенью. На них забрасывалось снаряжение для зимних соболевков. И вот на камнях порога мы увидели накрытое брезентом имущество.

Переплыв в левобережную лагуну, разгрузили лодку и потащили ее через холм. Плотный снег здесь еще не растаял.

Выше этого порога, после ближайшего поворота реки, на правом берегу — следы брошенного лагеря экспедиции. Около трех изб на песчано-галечном острове валяются бочки, движок.

А плыть, несмотря на отличную погоду, становится все труднее: перекаты. Мотор ревет на предельных оборотах, то и дело летят шпонки. Мы с Гошкой держим наготове шесты с металлическими наконечниками. Чуть что — сразу к берегу. В некоторых местах настолько мелко, что, остановив мотор, мы ведем тяжело загруженную лодку на шестах.

Следующую ночь скоротали в небольшой

избушке устья Абакумихи. Назавтра рассчитываем доплыть до устья Кинзелюка.

Часов около десяти опять срезало шпонку, и мы вылезли на левый берег. Осматривая склоны правобережных гор, под самой вершиной одной из них, я заметил две явно шевелящиеся точки. Пришлось достать бинокль. Маралы или медведи? Мнения разошлись. Вдруг задний по-собачьи сел. «Медведи!».

Пока мои спутники переталкивают лодку на противоположный берег, сбрасываю резиновые сапоги и надеваю кеды. Предстоит тяжелое восхождение. Чтобы добраться до подножия горы, приходится пробиваться через заваленный рыхлым снегом и буреломом прибрежный лес. Каких-то две сотни метров я преодолел минут двадцать. Но вот наконец и свободное от снега подножие. Образованная горным обвалом елань — или мокрый луг, тянется почти от самой вершины. В основании она довольна широка, а вверху резко суживается. Уходящий вверх склон очень крут, и я помогаю себе руками, цепляюсь за траву, камни.

Сегодня очень жаркий день, солнце палит нещадно. Через каждые двадцать-тридцать шагов отдыхаю, потом снова карабкаюсь. Все время посматриваю на противоположный берег реки. Олег и Гоша видят оттуда и меня и медведей. Весло с флагом держат вертикально — значит иду правильно.

Позади уже две трети склона. Вскоре, несмотря на острое зрение, я стал терять из виду лодку, потом и флаг.

Постепенно елань сузилась в узкое ущелье, появились небольшие скалы. Где же медведи? Может, поджидают меня за скалой? Продвига-

юсь осторожно. Справа с криком слетела глухарка, и как только я прошел дальше, нырнула в те же кусты. В конце концов, убедившись, что мишки исчезли, начал обратный спуск...

Часа через полтора я снова уже подходил к подножию. Осталось перейти заснеженный лес, и я буду у воды, которой готов выпить ведро.

Неожиданно с реки закричали: «Сзади, сзади, стреляйте!» Обернулся — никого! Подбежали товарищи: «Сзади вас прошел медведь, нюхал ваш след. Он сопровождал вас сверху!» Друзья бросились по склону вправо, а я снова полез вверх.

Только вскарабкался на террасу — услышал: «Скорее сюда!» «И что орут? — обозлился я. — Ведь спугнут».

Крик повторился. В нем чувствовалась тревога. И рад бы идти быстрее — да уже нет сил: задохнулся и кружится голова. Неожиданно кустарник кончился, и в десятке метров я увидел спины спутников. «Вот он, вот он», — зашептал Олег.

В сплошной чаще я увидел крупного медведя, нагло нас рассматривающего. Мое появление не произвело на него никакого впечатления. Неожиданно он шевельнулся. «Уйдет!» — встревожился я. Корпус хищника был закрыт плотной чащей — стрелять бесполезно. Но огромная голова была хорошо видна, и я соблазнился. Сделав два шага в сторону, прицелился. Выстрел разорвал тишину. Мгновение медведь еще стоял, потом мотнул головой и ринулся в глубь чащи. Пуля попала-таки, но в деревоцо...

Уже у лодки я спросил Олега: «Вы чего так

кричали? Увидели — и потихоньку за мной». «Да-а. Попробуй к нему спиной повернуться. С реки-то он показался маленьким. Догнали, а он к нам. Пасть разинул, зевнул, наверное. Клычища — во!»

Что и говорить, невесело было на нашем судне.

Вот уже три часа, как мы продолжаем плавание. Здесь ни перекатов, ни камней, ровное галечное дно. Много уток, есть гуси. После очередного поворота у правого берега увидели три лодки рассматривающих нас с берега таежников. Познакомились. Я рассказал о цели нашего путешествия, посетовал на неудачную охоту, но сочувствия не встретил. Промысловики были обозлены: они обнаружили, что их избушки на Березовой и Кинзелюке разорены прошедшей зимой туристами. «Хоть мышьяк в продукты закладывай...» — возмущались охотники.

«Ну, нельзя же судить обо всех туристах по хулиганской выходке одиночек. Большинство людей отдыхает культурно. Я, например, в верховьях Казыра с двумя товарищами...» Один из охотников — Филипп Запольский говорит: «Так это вы плыли в пятьдесят девятом по Казыру на резиновой лодке? А у меня ваше письмо до сих пор хранится, то, что вы оставили в избе на Петровой!»

«Где, где? Где же мы тогда перевернулись?» «Вы тонули у входа в порог «щеки». Сразу за порогом Бахирев нашел вашу брезентовую сумку, флажок». Мы стали тут же сверять ориентиры, и я с горечью признал обидный для меня факт. Из-за отсутствия топографических карт мы ошиблись в числе-

нии. Знай мы, где произошла неприятность, можно было бы и продолжить маршрут.

Нас пригласили в избу.

«Мечта есть — рогатиной попробовать, — делился я охотничьей задумкой, — но как медведя задержать? Собак-то, работающих по нему нет...»

Недалеко от охотничьей избушки в Кизир впадает речка Березовая. Это заметный приток, но, как и многие другие, не имеет четко выраженного устья. Вместо него — три ручья, проплывешь — не заметишь.

Утром поплыли к Кинзелюку. В прошлом году, совершив огромный сухопутный поход, мы не дошли до устья Кинзелюка двадцать километров. Теперь этот же рубеж мы взяли с запада за несколько дней. Устье Кинзелюка, — очень красивое место, — поросло дремучей тайгой. Выше его с километр по Кизиру есть избушка, но мы в нее не заходили. Договорились набраться терпения — достигнуть четвертого порога. Плыть здесь очень трудно, Олег не успевает менять шпонки. Чтобы облегчить плавание, я часто выходил из лодки и шел северным берегом по бурелому. Скалистые прижимы обходил по узким карнизам или воде.

В конце концов мы вынуждены оставить моторку и пробираться дальше трудной медвежьей тропой. А вот и «щеки» — ущелье между скал. Походили по правобережной тропе, осмотрели порог, пофотографировали. Мои товарищи прибили над «щеками» флаг. Все возбуждены, довольны: препятствия преодолели, исследовали верхнее течение новой для нас реки!

Я присутствовал при проходах Олега и Гоши молодежью из их поселков и знаю, что теперь они вернутся домой первооткрывателями.

Теперь — к нашим новым знакомым. Одиннадцатикилометровый участок от «щек» четвертого порога до устья Кинзелюка отнял у нас четыре часа, но так как бензин почти кончился, мы плывем самосплавом. Оставшиеся литры решили приберечь на преодоление трудных участков.

В избушке на Березовой таежники сообщили, что в настороженной с зимы петле обнаружены останки медведя. «Погибший медведь — хорошая приманка для соболей. С открытием охоты их будет тут не менее выводка. Медведь не смог порвать восьмимиллиметровый цинкач. Его бедственным положением воспользовался другой, который после ожесточенной схватки — вокруг было все разворочено и поломано — додавил его и частично сожрал. Переднюю часть туловища закопал. Останки мы откопали и вокруг насторожили петли. Думается, что ночью хозяин придет...»

Такой случай упустить нельзя. Я попросил Олега и Гошку остаться в избе, сам же решил поохотиться с промысловиками.

Проплыв минут сорок вверх, мы выключили мотор и вылезли на левый берег, прошли по нему с полкилометра, пересекли исхоженный лосями мыс и по мелководью перешли на островок. «Вот это место», — шепнул Николай. Метрах в тридцати за мелководной протокой, под упавшим на соседние кроны кедром, были замаскированы петли.

Быстро натыкали елочек, бросили на зем-

лю оленью шкуру, рядом — меховую доху. «Желаем удачи. Утром приплывем!» Иван Романенко с Николаем Колеватовым ушли. Шкура хорошо защищает от сырости.

Смеркалось. Неподвижность моя обманула гоголей. Парочка их резвилась всего в пятнадцати метрах от скрадка. Уже перед темнотой метрах в ста слева гоготнули и плюхнулись в воду гуси. Мирно плавающие птицы — хорошая маскировка.

Уже давно трудно дышалось, и вот с темнотой река заполнилась шумом хлынувшего ливня. Я поспешно накрылся дохой. Теперь уже все надежды на утро. Я начал клевать носом...

Где-то в полночь меня как током ударило. Сзади скрадка скрипнуло, раз, другой, третий. Медведь! Шевелиться под дохой нельзя, хищник может наброситься. Затаился. «Сейчас начнет обнюхивать...» И еще мысль: как успеть повернуть ружье и выстрелить.

Неожиданно возле моего лица мелькнула мышь. Скрип, скрип... Сплюнув, я откинул доху. Оказывается, мышам приглянулась меховая подстилка, и они начали ее «стричь», а я-то со сна подумал, что это скрипит галька под тяжелыми лапами хищника.

Медведь так и не пришел, а часов в семь за мной приплыли таежники. Сочувствуя моим неудачам, Филипп провел со мной еще двое суток на известных ему еланях. Мы снова лазили за двумя медведями — и снова неудача. После очередного совещания в избушке экипаж нашей лодки решил начать спуск к «неудачливой» елани. А вдруг встретим старого знакомого?

Вечером опять пошел дождь, и промысловики нам пояснили: «Видите те кольца? Дойдет вода до верха, надо уплывать. Иначе не пройти Семеновскую шиверу».

По Кизиру плыли медленно и в полной тишине. К приметным затескам на левом берегу подплыли в шесть часов вечера. Стали готовиться к ночевке, заготовливать дрова. Дождало, снова предстояла сырая ночевка. Ночью нас окутал туман. Было сыро, неуютно. С нетерпением ждали рассвета.

Плавание продолжили в начале десятого. Едва остановились у лагеря экспедиции, где собирались обсохнуть, услышали рокот моторов. Сверху показались лодки промысловиков.

«В Кизире быстро поднимается вода. Возьмите у нас бензин и скорее вниз!»

Остаток дня перетаскивали лодки новым для нас путем, через десятиметровую переволоку третьего порога. Теперь, когда с нами столь опытные люди, решил рискнуть судном и Олег. Каждую лодку подводили к выступающему каменистому языку, разгружали и затаскивали на гребень. Затем спускали в небольшую лагунку, расположенную чуть ниже слива. Вода здесь кипит. Малейшая неосторожность — и лодку разобьет о камни.

Отдохнув в левобережной лагуне, начали форсировать каменную гряду. От берега уходили лодка за лодкой. Надо промчаться между камнями, что пониже порога. Когда свою лодку повел Иван, давший сразу полный газ, все дружно закричали: «Правее, правее!» В последние мгновения владелец моторки все-таки успел подвернуть.

Филипп показал на яму пониже порога:

«Если подползти по скале вот к этому обрыву, можно увидеть в ней огромных тайменей. До семи штук за рыбалку брал спиннингом. Паводок пройдет, вода посветлеет, самое время будет их ловить.

Ночевали на Андрианихе. Кто-то из молодежи сжег портянки и брюки. Есть у саянских охотников шутливая примета: сжег одежду — жена изменила. Вся избушка содрогается от хохота. Молодожен-погорелец, судя по всему, приметой не пренебрегает, заглядывает ко мне в календарь...

Наша флотилия отправляется дальше. В строю кильватера стремительно несутся моторки. Мелькают берега, повороты, островки. Впереди лодка Филиппа. Чтобы удобнее было фотографировать, я попросился к нему. Щелкаю ФЭДами во все стороны.

Второй порог прошли ходом. По Семеновской шивере вели моторки почти не снижая скорости. И в «бане», и в «предбаннике» лодку мотает, как щепку. Филипп, очевидно, зазевался, так как неожиданно сквозь муть и пену я увидел прямо по носу стремительно приближающийся огромный бурый камень. «Правее, правее!» — закричал я. Филипп успел отвернуть, и лодка со скрежетом прошла бортом по граниту камня. Вскоре вышли на чистую воду. «Что же ты? — кричал из своей лодки Николай, — опять решили все потопить?». «Корму вал поднял», — оправдывался Запольский, — лодка руля не слушалась».

Я спросил Филиппа, почему «опять». «Да в прошлом году здесь же, в «предбаннике», с сыном старшим плыли. Я как чувствовал неладное — высадил его на берег. Налетел на

камень, лодка пополам, но мне повезло: схватился за пустую канистру. На ней и выплыл...»

Мимо нас стремительно пронеслась стайка чирков, и, как горох, сыпанула в воду. Молнией прошедший сокол развернулся и сел на нависающее над водой дерево. Сокол бьет жертву в воздухе. Как бы зная это, утки плавали спокойно. Таким же выглядел хищник: добыча не уйдет...

21 мая подплыли к Усть-Джебу. На берегу качала ребенка Гошкина жена. Рассмотрев, что мы привезли, возмутилась: «Так ведь это же медведь?! Я его есть не буду. Он поганый!» Помогли помалкивающему товарищу выгрузить его долю, тепло распростились. Родителям же Олега добыча по душе: «Вымочим!»

Ожидая таежников, — они задержались в лагере экспедиции — я разговорился со старшим Мартыновым, тоже жителем Зимовья. Прошлой осенью он и его сыновья впервые поднялись «на моторе» в верхнее течение Казыра и у Ванькиной избушки встретились с нашим проводником в первых походах Тутаевым и другими тофами.

Оказалось, что у Мартынова есть подробная карта Казыра. Я заикнулся было, нельзя ли ее сфотографировать, но мой собеседник вдруг потерял интерес к разговору и смолк.

Последняя ночевка — в Курагино, до него плыли еще километров шестьдесят, в гостеприимной семье Запольского. Бывший десантник-парашютист, он и сейчас по-военному собран, подтянут. Делает все четко.

Вечером, после жаркой бани, таежник рассказал про нелегкое детство... «Отца моего

убили в 1922 году. Из-за соболей. Возвращался он с другом с соболевки. Сначала застрелили друга, а мой успел уйти. В него стреляли, но осеклось ружье. Километрах в трех от Заимки осторожные бандиты оставили засаду. Изнемогающий отец выбежал на костер и, когда увидел, что это один из тех же, крикнул: «Не убивай за ради детей!..» Бандит спустил его труп под лед. Прошло много лет. Один из убийц поссорился с женой, решил отомстить и тестю. Рассказал все моей матери. Я рос и ждал своего часа. Когда меня взяли в армию, в живых остался только главный. Остальных за бандитизм расстреляли. Вернулся домой, сказал: «Передайте Ивану — за ним должок. Старик прятался от меня. Так и не смог я расплатиться. Сам подох...»

Бывает же так: сегодня, когда предстоит покинуть полюбившийся край, наступила удивительная погода. Все: и горы, и тайга — словно пропитались солнцем.

...Уже давно отступила тайга. За окнами автобуса — бескрайняя степь, холмы. На далеких холмах, выложенные белым кирпичом слова: «Ленин», «Мир». Видно их и из самолета.

До следующего года — мир тишины и приключений!

ГРАНДИОЗНЫЙ — РЯДОМ!

В Абакане мы были приятно удивлены: начались пассажирские перевозки до Курагино.

Строители трассы Абакан — Тайшет дали слово к концу шестьдесят четвертого забить и «серебряный костыль».

Запольский встретил нас с распростертыми объятиями, познакомился с моими товарищами — северодвинскими рабочими Валентином Шаныгиным и Романом Розановым, расспрашивал их о жизни и работе на Севере. Филиппу очень хотелось пойти с нами: «В эти районы промысловики еще не заглядывали, я был бы первый. Нельзя только: операцию недавно перенес».

Двадцать пятого июня поплыли вверх по Тубе — правобережному притоку Енисея, набирающему силы от слияния Казыра, Кизира и Амыла. Когда лодка вошла в устье Казыра, мотор сразу же запел на другой ноте, почувствовав мощь главной саянской реки.

Изредка минуем деревушки. Против каждой — копошащиеся на берегу старики. На удивление — все рыжие!

С песчаных пляжей спугиваем куличков, в воду сбегают стайки утят. В нижнем течении реки есть десятикилометровый участок, где нужно соблюдать осторожность: между отвесных берегов течение убыстряется, есть скалистые прижимы.

До Черемшанки — это километров сто, поднимались одиннадцать часов. Руководитель леспромхоза Мурзаев, председатель сельсовета Латышев — с ними я вел предподходную переписку — обещали содействовать в зарброске к Верхней Казырской, но помешал трагический случай: у Мурзаева накануне утонул брат. Тут уж не до нас.

Утром попутным грузовиком уехали в Жа-

ровское. До него километров двадцать. На участке между Черемшанкой и Жаровском, против деревни Гуляевка, самый большой и непроходимый на Казыре Гуляевский порог. На полпути подобрали двух пешеходов. Они только что столкнулись с перешедшим дорогу медведем, и были очень возбуждены.

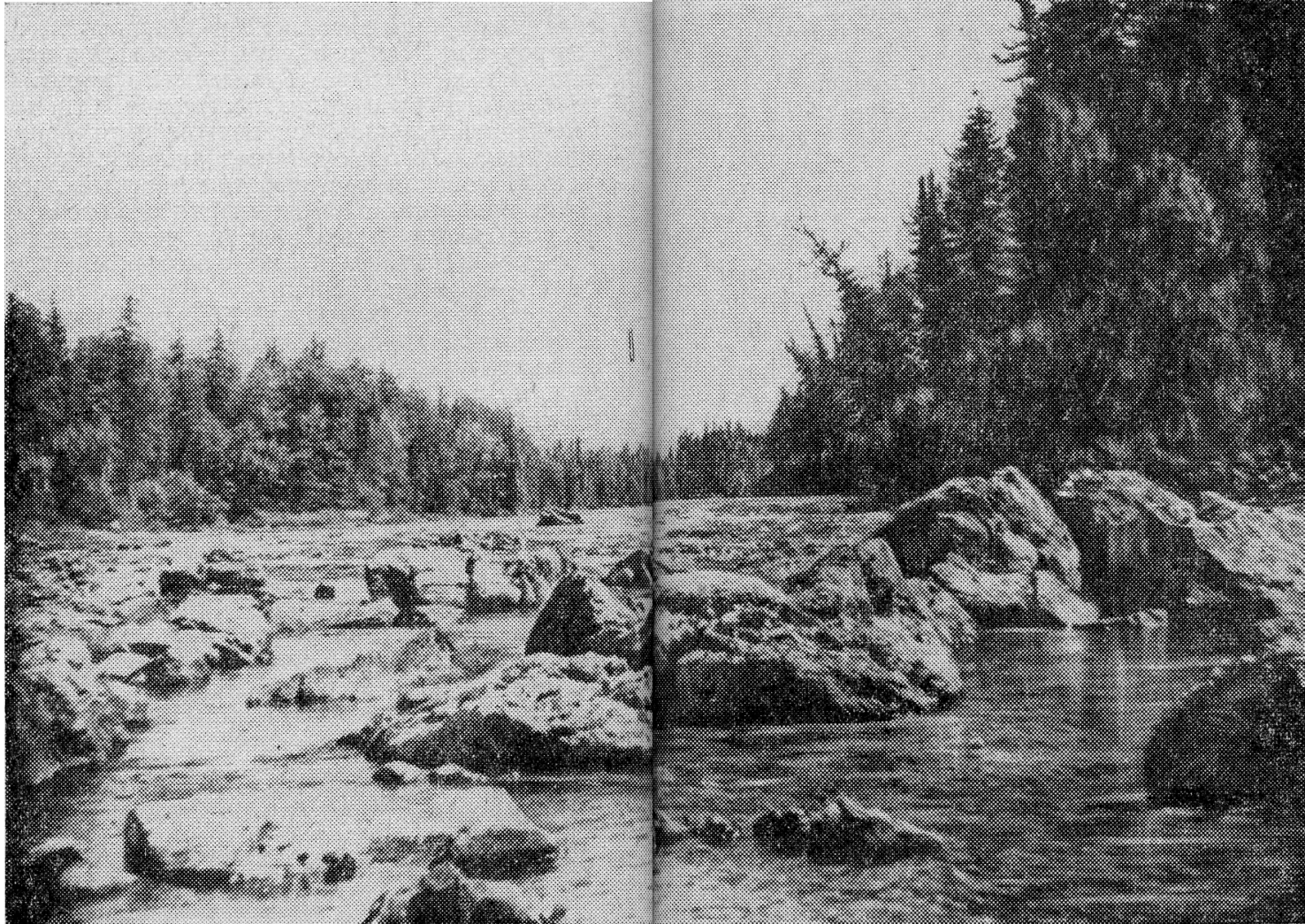
В Жаровском нас встретил местный лесник Иван Васильевич Баяндин. Его отец-то и обещал забросить наш отряд до устья Верхнего Китата. «Поднимать на «моторе» буду я сам», — заявил лесник.

Полторакилометровый Убинский порог обошли лесной дорогой. В Складочном Иван Васильевич принес из леса мотор, бак с бензином, и мы спустили лежащую на берегу лодку на воду. До родной деревушки Баяндиных еще двадцать километров, а дороги больше нет, только тропа.

На сухом, высоком берегу в Нижней Казырской убранная свежими цветами могила: «Изыскатель А. М. Кошурников, 1905 — 1942 г.».

В Верхнюю Казырскую прибыли к обеду. Местные жители называют этот поселок еще Верхняя Тридцатка. Вокруг поселка якобы тридцать озер, в которых, как и в крупных озерах западной части Казыр-Кизирского междуречья, «озерские» добычливо ловят щуку, окуня, сига.

Нижне-Китатский порог

Василий Васильевич Баяндин пригласил нас в избу. Долго расспрашивал о походах по другим районам Саян, в частности, по верховьям Казыра. Между прочим, старик называет хакасов, тувинцев, тофаларов собирательно — «татары». «Знатно татары соболуют. Если он нашел след, соболу уже не уйти». Теперь стало ясно происхождение названий притоков Казыра — Татарка, Саетка (сойот — тувинец). Их, конечно, дали «низовские».

Утром 27 июня поплыли к Базыбайскому порогу. День выдался отличный. Солнце позолотило горные вершины, покрыло медью мохнатые кедры на склонах. На небе ни облачка.

Иван часто останавливает моторку, чтобы поудить в уловистых местах. На Нижне-Китатском пороге — это километрах в четырех ниже устья Нижнего Китата — лесник заявил: «Сейчас поймаю ленка или тайменя». И действительно, с четвертого заброса взял двухкилограммового ленка. В прозрачной, как стекло, воде хорошо видно, как мечется схватившая блесну рыба.

Километрах в четырех выше устья Нижнего Китата подплыли к острову Кедровый. «Здесь, на отмели, наши рыбаки и нашли Кошурникова». Баяндин заглушил мотор, мы вылезли на остров почтить память легендарного изыскателя.

...Задание они получили нелегкое: определить возможность строительства железной дороги Абакан — Нижнеудинск вдоль берега Казыра. Сплав инженеры вели поздно, в октябре. Вода в это время малая, плот шел неохотно, цеплялся за камни. Поход затягивался, а тут еще раннее похолодание, снегопады, шуга.

И вот, когда изыскание выполнено — доказана возможность строительства дороги левым берегом — и случилось непредвиденное.

Журавлев и Стофато плыли на салике, Кошурников — он вылез, чтобы облегчить плот, — брел берегом...

Нельзя без душевного волнения читать предсмертные строки этого мужественного человека.

«3 ноября, вторник. Пишу, вероятно, последний раз. Замерзаю. Вчера, 2.XI.42 г., произошла катастрофа. Погибли Костя и Алеша. Плот задернуло под лед, и Костя сразу ушел вместе с плотом. Алеша выскочил на лед и полз метров 25 по льду с водой. К берегу добраться помог я ему, но на берег вытащить не мог, так он и заковенел наполовину в воде. Я иду ползком. Очень тяжело. Голодный, мокрый, без огня и пищи. Вероятно, сегодня замерзну».

В молчании стояли мы против быстрины Кошурникова и смотрели на бегущую воду...

Миновав «баню» — шиверу с огромной скалой посередине реки — а потом шиверу против речки Рыбной, услышали, наконец, Базыбайский порог. До него от Верхней Казырской плыли около семи часов, то есть поднялись километров на шестьдесят. Лагерь разбили на левобережном, усеянном наносником пляжике. Сложили снаряжение, развели костер и осмотрели порог. Он очень бурен, хотя протяженность совсем небольшая. Схваченная скалами река и бьющая в правобережную стену водяная лавина исключают возможность сплава по нему на резиновой лодке. На мощном скальном нагромождении левого берега — па-

мятник из камней. В 1957 году, во время съемки кинофильма о Саянах, здесь утонул кинооператор. Об этом человеке мне рассказывали еще в Верхней Гутаре.

Сколько ни бросал Иван блесну, ни тайменя, ни ленка так и не поймал, зато ближе к вечеру Валентин и Роман были вознаграждены двумя десятками хариусов, из которых и сварили замечательную уху. Пока ели ее (а нас гнус), наступили сумерки. Мои друзья погоняли лихим посвистом притаившегося у тропки зайчишку и легли спать...

С рассветом по камням левого берега перетащили лодку, снаряжение и уже к восьми были готовы к отплытию. Через Ворота лодку протащили на бечеве, а Спиридоновы щечки — берегом по камням. К полудню достигли лагеря экспедиции геологов.

Рассказывая о своих делах, геологи сообщили, что Саяны перспективны как кладовая целого комплекса ценных полезных ископаемых, в том числе и редкоземельных элементов.

Вечером завхоз экспедиции уложил в свой склад нашу надувашку, часть снаряжения — все, что нужно для будущего сплава по Казыру, шутливо взвесил и наши рюкзаки: «По тридцать килограммов! Счастливо вам отдохнуть!».

Уже в сумерках пришла непогода. Небо заполнили рваные тучи. Укрылись в барак. Прогремел гром, блеснула молния и... ни капли! И так бывает. Провожаемые добрыми напутствиями Баяндина и геологов, на рассвете мы ушли к близ расположенному Верхнему Китату.

Только услышали гул мощного порога — это в километре выше устья реки — заморосил дождь.

Геологи нас предупреждали: «Выше порога таймени и ленки не поднимаются, там только хариусы».

Несмотря на дождь, Валентин и Роман сделали еще одну попытку половить на спиннинг. Но безуспешно.

Вдоль правого берега Верхнего Китата — обозначенная затесками тропа. Пока что от нее не отрываемся — легче идти. Но именно здесь, на тропах, и подстерегают людей клещи. Запольский предупредил: «На участке Кордово—Курагино в начале мая от укусов энцефалитных клещей пострадали три женщины. Одна умерла». Геологи проходят специальную вакцинацию. Мы же уколов не делали. Еще больше опасных насекомых оказалось у древней избушки первого правобережного ручья.

Первые два дня прошли в борьбе с травяными джунглями. Лето в Саянах встречает путника не только теплом и солнцем. Высокотравье, гнус, дожди отравляют удовольствие.

Трудней всего идти первому. Есть места, где заросли вдвое превышают человеческий рост. Тропка часто теряется, и мы как носороги ломимся через чащу. А дождь все льет и льет, и наши рюкзаки в прямом смысле тяжелеют.

Смотрю на товарищей: как-то себя чувствуют? Валентину 26 лет, отслужил в армии, турист. Трудности принимает как должное. Ро-

ман рослее и крепче, но в армию не призывался, быстрее раздражается.

Уже вблизи Татарки, второго на нашем пути ручья, окончательно умаявшись, укрылись от все усиливающегося дождя под развесистым кедром. Тут мы и остановились на ночевку.

Проснулись вместе с тайгой. Вырвавшиеся из-за гор лучи осветили и обрадовали лес. В нем снова закипела жизнь! Предложил оторваться от реки в сторону гор. Там нет леса, высокой травы, гнуса. Может и мишку выследим. В отряде полное единодушие. «Скорей наверх».

Весь этот день лезли по кручам. Уже под вершинами увидели в метрах восьмистах северного оленя. Долго наблюдали, как он пасется. Зверя донимал гнус, и он все время бегал по зеленому плато, подолгу замирая на снежниках.

Еще двое суток мы двигались горными склонами к верховьям Белого Китата — самого крупного из притоков Верхнего Китата. Обходим живописнейшие цирки с богатой альпийской растительностью. Потом идем однообразными гольцами. Осторожно спускаемся с них по каменистым осыпям — курумникам. Наверху чувствуем себя преотлично: здесь прохладно, нет гнуса. Перед нами высятся южные склоны Фигуристого белка с пиком Эдельштейна и ледником Стальнова. (Так их назвал руководитель экспедиции геологов известный профессор А. Г. Вологдин в 1929—1930 годах).

Изрезанные глубокими пропастями южные склоны хребта Крыжина, тем более Фигури-

стого белка, без альпинистского снаряжения не осилишь, и мы снова поворачиваем на восток. Не без трудностей спустились в долину Белого Китата и сразу же утонули в медвежьих траншеях, высокотравье. Июнь и первая половина июля — время медвежьих свадеб. С конца мая и в июне самку сопровождают несколько самцов, в первой половине июля чаще всего встречаются семейные пары. Ружье держу наперевес.

На следующий день достигли Среднего Китата. Переход через него был наиболее труден. Пришлось валить деревья, наводить переправу. Тут черемица, маралий корень, медвежья дудка, живокость и, царство певчих и их короткохвостых птенцов. Они непрерывно вспархивают тут и там. Один запутался в стеблях при взлете, и я осторожно его подхватил. Как он жалобно запищал! Я тут же подбросил его в воздух.

Есть в траве и другие обитатели. Перелезая через поваленный кедр, я был остановлен криком идущего сзади Валентина: «Вы стоите на змее!» Он стал тыкать тростью у меня под ногами: «Готова!»

— Большая?!

— Нет маленькая...

Гадюка пустяк. Главное, не наступить на ухо дремлющему мышке...

Десятого июля устроили нечто вроде выходного. Решили отдохнуть, а заодно проявить пленки. Забрались в глухую таежку на берегу ручейка и занялись своим делом.

Во второй половине дня все-таки не утерпели. До верховий рукой подать, и дождь вроде бы стих. Снова полезли наверх. Вскоре лес

кончился, пошла горная тундра. Часов в пять подошли к перевальной седловине. Только вылезли — на правом снежнике — марал! Мы замерли. Не очень спешно, зверь исчез в распадке, снова показался и скрылся за вершиной горы. «Я имею разрешение только на отстрел волка и медведя», — парировал я вопросительные взгляды спутников.

Подошли к обрыву. В глубокой пропасти раскинулся великолепный цирк. Он на нашем пути, и мы начали искать спуск. Если идти по падающему вниз ручью, то нужны горные ботинки с триконями. Пошли на север. В одном месте — тут кустарник поплотней — решились. Очень медленно, осторожно начали сползать вниз. Когда до дна оставалось метров триста, в самой глубине, у снежников, я увидел крупного медведя.

Возбужденно шипя на недоумевающих товарищей: «Тише, тише», — я ринулся вниз. Это была не только охота. За десять дней перехода мы не съели и грамма мяса. Ветерок тянул от медведя, можно было надеяться на сближение. С горного склона дно цирка кажется ровным, на самом же деле оно все в холмах и впадинах. Перебежал довольно широкий ручеек. Все время слежу за ветром, осматриваюсь. И вот наконец я снова увидел его: медведь ел черемшу. Как только он поворачивался задом, я делал перебежки. Из-за последнего куста — дальше уже поляна, выстрелил. Медведь ринулся на склон. Этого я ожидал и чуть не выстрелил вторично, но он затоптался на месте, опрокинулся на спину, снова вскочил. Уже на бегу, метров с двадцати я опять повалил его...

Минут через двадцать-тридцать показались товарищи. Занялись тушей. Вырезали добрый пуд мяса и, конечно, печень. Остальное закопали в снег.

Оказывается, от моих выстрелов на противоположный склон убежал второй медведь — мои товарищи его видели. «Скорей всего это самка».

Еще скрадывая мишку, мы заметили невдалеке, на небольшом холме удивительно плотный и уютный лесок из огромных кедров. В корнях поваленного дерева приглашающе зияла пещера. Вокруг масса сушняка, и рядом ручеек с изумительной водой. Прямо-таки санаторий! Здесь решили пожить, отдохнуть, откормиться.

Тринадцатого, закопав поглубже в снег мясо и оставив снаряжение, взяв с собой только самое необходимое, полезли на восточный склон цирка. Карабкались вверх более двух часов. На гребне увидели северных оленей. Они спокойно паслись у снежников. Некоторое время рассматривали их, но вдруг повернул ветер. Крупный рогач выскочил на скалу и замер. Голова его повернута в нашу сторону! Миг — и стадо исчезло.

От водораздельного хребта — по нему бродили весь день — до Грандиозного менее двадцати километров. Подойдя к ручейку, одному из притоков Прорвы, мы долго ахали на открывшуюся красоту и жалели, что у нас не два отпуска. «Грандиозный совсем рядом. Интересно было бы исследовать его с запада».

За этот день набегали по «оленим хребтам» километров двадцать пять и встретили еще три стада — более двадцати оленей. Попадались и

одиночки. Мои товарищи обратили внимание на раздвоенное, одиноко торчащее деревцо. Неожиданно оно зашевелилось: снова олень! Этот оказался любопытным, подошел метров на двести и долго нас сопровождал.

От созерцания нас отвлек практичный Валентин: «Снизу поднимается туман». Это значит — жди непогоды. Конечно, забеспокоились: леса-то на хребте нет. От дождя не укроешься, и костра не разожжешь. Через несколько минут напал туман и полил холодный дождь. Мы кинулись под нависшую скалу. В наших рюкзаках есть и береста, и сухой спирт. Некоторое время можно жечь, но надвигается ночь.

Пришлось делать стремительный переход к «своему» цирку, и уже в темноте спускаться по склону вниз. Совершенно мокрые, усталые и озябшие, укрылись, наконец, в «санатории», где нас ждала «крыша», сухие дрова и обилие мяса. Всю эту ночь, как впрочем, и две последующие, шел дождь. Вершины гор накрыла плотная шапка тумана. Конечно, о переходе к Казыру вершинами гор не было и речи. Решили снова спускаться в тайгу.

Пятнадцатого июля водрузили в верховьях флаг и пошли вниз, к реке. Спуск к Казыру Верхним Китатом вели по новому пути — левым берегом. Иногда шли по реке, где много рыбачили. Тут неплохо ловится хариус.

Ниже устья Северной, когда отдыхали на речном пляже, к нам подходила медвежья свадьба. Когда мы проснулись и вышли на берег, увидели в траве три свежих траншеи, которых до этого не было. Возможно хищников отпугнул костер.

Ниже устья Белого Китата снова перешли на правый берег Верхнего Китата. Для этого выбрали широкий, тихий и мелкий участок русла. Переходили с шестами, страхуясь веревкой.

Валентин поразил нас своей зрительной памятью: запомнил одну из гор, уточнив тем самым наше местоположение. И вот снова загрохотали пороги. Ближе к Казыру все чаще находим грибы: подберезовики, подосиновики, маслята, сыроежки. На привалах едим чернику.

К вечеру девятнадцатого июля подошли к лагерю экспедиции. Геологи были на маршрутах, в бараках отдыхали вертолетчики: Георгий Павлов, Юрий Метельский и моторист экспедиции Николай Тишкин. Вечер прошел в рассказах, расспросах. Мои товарищи возятся с игривым щенком Тишкина. Ближе к вечеру у входа в барак появилась преогромная жаба. Барбоса от удивления расперло. Крутил хвостом, облаивал ее, но не приближался. Оказывается, по лагерю ползают гадюки, и одна его недавно укусила: «Два дня мучился. Бегал с распухшей мордой в лес искать траву...»

Тишкин согласился сплавать с нами на исследование «щек». «Неужели мы действительно в 1959 году в них влетели?»

До Верх-Китатского порога плыли не более получаса. Сам порог в левобережной протоке посередине реки. Правая протока хотя и бурна, менее опасна. Перенесли мотор, бензин правым берегом, обнос лодки не более ста метров — и снова уплыли вверх, но уже на другой лодке — ее экспедиция держит здесь постоянно.

У устья Большой Маетки поймали полтора десятка крупных хариусов на спиннинг. Затем подплыли к нижним воротам порога «щеки»: он совсем рядом. От Верх-Китатского порога до «щек» не более 8—9 километров. Порог «щеки» — место чрезвычайно живописное. Река прорывается здесь через зажатый в скалах извилистый коридор. Поток ревет и пенится. Походив по берегам, осмотрев порог на всем протяжении, по трехкилометровой тропе обнесли левым берегом мотор и бензобак к лежащей на берегу выше порога лодке и уплыли к речке Яшиха. Теперь уже я окончательно убедился в правоте таежников: в 1959 году мы перевернулись у входа в порог «щеки».

Конечно, сейчас реку не узнать: летом — вода малая. Еще верх-казырский водомер познакомил нас с данными о стоке Казыра: «В пик весеннего паводка, то есть в конце мая — первых днях июня сток — 2 200 м³/сек., в конце июня — 800 м³/сек., в феврале — 28 м³/сек. В весенний паводок вода в верховьях Казыра поднимается до семи метров, а опасный порог «щеки» заполняется «доверху». В этом мы убедились по усыпавшему верхние террасы наноснику.

Теперь уже с уверенностью восстанавливается география нашего плавания в 1959 году. Первая избушка, до которой мы плыли от Ванькиной избы, — у притока Поселенки. Три развалившихся сарая — у Прорвы, записку мы оставили в избушке на Петровой, изба на высоком правом берегу, до которой мы целый день шли после катастрофы, у притока Яшиха.

Распрощавшись с Николаем и оставив ему

рогатину, мы отдались течению Казыра. Теперь мы плывем на трехместной надувной лодке.

За двадцатое июля прошли всего семнадцать километров: много рыбачили и дважды варили уху. Шиверу Бачуриха, которую можно было обойти берегом — из чисто спортивного интереса прошли на лодке. В одном месте нас сильно захлестнуло, так что пришлось вычерпывать воду.

То же самое повторилось в Спиридоновых «щечках». В узкости сильный водоворот накренил лодку, но мы вовремя навалились на противоположный борт. По берегам заметно прибавилось березняка, осинника, много малинника, не говоря уже о кедре и пихте.

На следующий день плыли осторожнее. Впереди — Ворота. Ориентировались по левобережному притоку Саетки. Ниже его, на правом берегу, есть коса из гальки, а напротив — на левом — каменный мыс. С этой косы осмотрелись и форсировали нижерасположенные Ворота левой протокой, частично ведя лодку на бечеве. Здесь же добычливо порыбачили.

После Ворот опять настороже: как бы не влететь в Базыбайский порог. Выше порога в малую летнюю воду на реке видны камни желтого цвета. Они — предупреждение об опасности.

На Базыбайском пороге ловили хариусов, отдыхали. При сплаве ниже порога, вплоть до избушки у левобережного притока Рыбного, промысловики рекомендуют прижиматься к левому берегу, так же форсировать шиверу против избы. Здесь глубже, и нет опасения срубить шпонку. На резиновой же лодке эту ши-

веру удобнее преодолевать правым берегом. «Ваню» миновали правой протокой. Через быстрину Кошурникова проплыли левой, но прижимаясь к Кедровому острову. Нижне-Китатский порог проплыли левой протокой, в трудных местах — серединой реки.

Я не стал бы так много и подробно писать о речных препятствиях, способах их преодоления, если бы не знал цену этим сведениям. Много людей плавает на саянских реках, и основная причина неудачи, а то и гибели — отсутствие подробных карт и справочного материала. Необходимо учитывать, что преодолевать пороги на Казыре, Кизире надо сообразно «воде». От ее уровня в реках многое меняется. Лучше вовремя выйти на берег, осмотреть препятствие и выбрать наиболее безопасный проход.

Двадцать второго июля поставили своеобразный рекорд: плыли одиннадцать часов подряд. Мы были свидетелями интересных событий: когда проплывали метрах в двадцати от обрывистого берега, под водой раздался мощный плеск. Сильнейшее бурление длилось секунд десять. На прибрежный камень вылетел крупный хариус и, попрыгав на нем, соскользнул в водоворот. В тот же момент из прибрежной травы вырвалась стайка утят. Хлопунцы в панике побежали вверх по реке. Утки с ними не было. Видимо, в глубине охотился таймень. Если он достаточно крупный, он не удовлетворится проглоченным хариусом, и утята, конечно, удирали неспроста. В сибирских реках встречаются очень крупные таймени, в Казыре же тридцатикилограммовые совсем не редки.

Уже в сумерках на прибрежную отмель, за которой виднелся крутой правобережный бугор, вышла кабарга. Узнали ее только тогда, когда повернулась боком. Несмотря на то, что мы не шевелимся, она нас почуяла метров за двести. Постояла с повернутой к нам головой и, не торопясь осторожно удалилась в чашу. За четыре похода кабаргу я увидел впервые.

Семья Баяндиных в Верхне-Казырской и другие жители поселка встретили нас радушно, уговаривали погостить, но до Абакана еще полторы сотни километров, а у нас уже на исходе отпуск. Продолжили сплав.

Моторка, пятнадцатикилометровый пеший переход, во время которого нас чуть не съели слепни и оводы, затем попутный грузовик и наконец поезд доставили нас в Абакан. Абакан обычно переводится на русский как медвежья кровь. Этнографы же дают другое толкование. Не Абакан, а Абахан! Это главная (хан) река абинцев, племенной группы хакасов. Для абинцев эта река была все равно, что для русских Волга-матушка.

Вот мы и на аэродроме, и какие довольные! На всю жизнь запомнится нам и этот месяц настоящего счастья. Его подарили нам Саяны.

У ТОДЖИНСКИХ ТУВИНЦЕВ

В десять приехали в Москву, а уже в час ТУ-104 понес нашу группу на десятикилометровой высоте к Новосибирску.

Мои спутники — северодвинцы, инженер Олег Овсицер и рабочий, студент-заочник Володя Соснин. Перед походом в Саяны мы решили побывать в Шушенском, где В. И. Ленин находился в трехлетней ссылке. Старинное сибирское захолустье теперь неузнаваемо. На равнине, где Шушь впадает в Енисей, вырос поселок с асфальтированными улицами, многоэтажными домами, телевидением. Словно величественный памятник Ильичу, на огромной территории создается Саяно-Шушенский промышленный комплекс. Он войдет крупнейшим звеном в общую систему развивающихся и создаваемых промышленных комплексов Сибири. Главная энергетическая основа комплекса Саяно-Шушенская ГЭС мощностью 6,4 миллиона киловатт. Здесь намечено построить около 120 предприятий.

Новое водохранилище на Енисее позволит дополнительно оросить много гектаров засушливых земель. В этом благодатном крае уже сейчас немало садов, растут арбузы. Вода умножит природные богатства Минусинской котловины. Исчезнут и непроходимые пороги Енисея. Суда будут подниматься до Кызыла.

В котловине, окруженной пологими холмами, столица Тувинской АССР город Кызыл. Устроились в номере гостиницы, и сразу же пошли знакомиться с городом. Он уютный, чистенький, прямые асфальтированные улицы в аллеях тополей. Осмотрели известный географический постамент «Центр Азии».

Верховья Енисея — родина тувинцев, самой многочисленной, их около ста тысяч, группы коренных жителей Саян и Присаянья. Прежде

тувинцев называли урянхайцами, саянцами, сойотами.

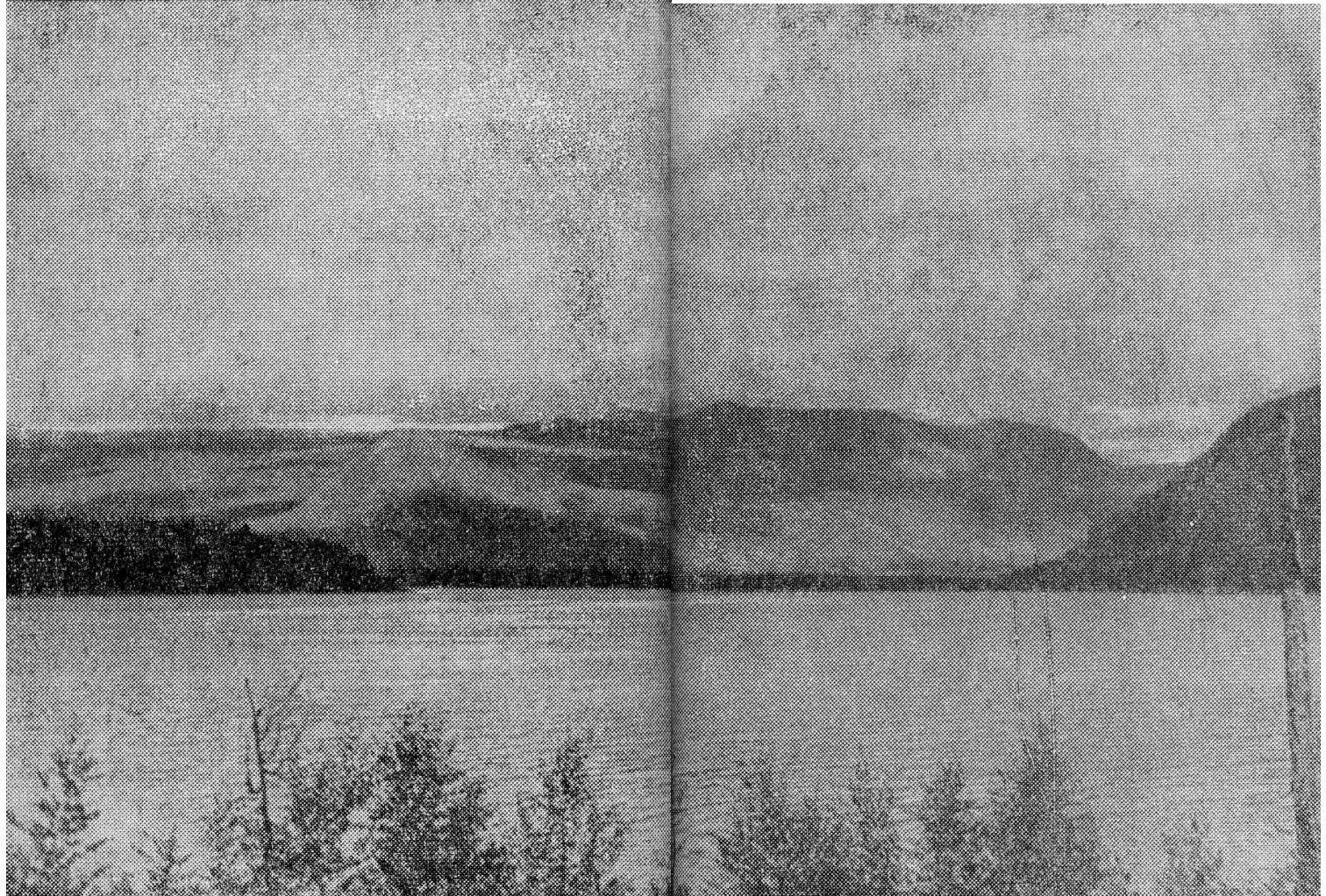
Тува вошла в состав СССР в октябре 1944 года, и лицо республики изменилось в корне. На смену единоличным аратским хозяйствам пришли крупные механизированные колхозы, совхозы. Рост земледелия, животноводства привел к тому, что Тува теперь не только полностью удовлетворяет свои потребности в зерне, но и сама поставляет его в другие районы страны. На современной научно-технической базе созданы горнорудная, мясо-молочная и другие отрасли промышленности. Выпуск валовой продукции увеличился с 1944 года в 25 раз. Сейчас каждый четвертый житель Тувинской, АССР учится, а рождаемость вчетверо превышает смертность.

Из-за утреннего тумана в районе Хамсары вылетели туда только в десять.

Поселок Хамсара — две линии домов с посадочной площадкой между ними. К приземлившемуся АН-2 первым подошел Пришвицын. Именно с ним я и вел предположительную переписку. Георгий Семенович — радист. Его жена кореянка — заведует почтой. Супруги пригласили нас остановиться у них. «Свободных оленей сейчас нет, лошадей мало. С утра организуем моторку, на ней и пойдете к избранному вами хребту Тайга-Ужасы...»

Вечером познакомились с поселком. По-

Озеро Устю-Дэрлиг-Холь

явился он только в 1958 году, а сейчас здесь живет 72 семьи промысловых охотников — тоджинских тувинцев и русских.

Жители живо интересовались подробностями наших походов в неизвестные им районы Саян, бытом и особенно опытом других промысловиков. С таким же интересом слушали олениводы наши рассказы о жителях побережий Северных морей, родственных им ненцах.

Промысловики много рассказывали про нашествие медведей на Туву и на поселок. Дело в том, что в начале зимы 1962 года, в связи с двухлетним неурожаем кедрового ореха и ягод, в Саянах произошла «медвежья катастрофа». Не нагулявшие к осени жира хищники не легли в берлоги, а стали спускаться с гор. Оголодавшие шатуны давили друг друга, нападали на людей. Не обошла беда и Хамсару. Двоих медведи съели, троих покалечили. Все рассказы касались зимы 1962—63 годов. «Ну а что было потом?» «После этого о медведях никто и не слышал». Промысловики советовали пригласить в группу охотника с работающей по медведю собакой. «А то можете и впустую проходить».

Параан Дезингер — его рекомендовали «как шибко хитрого» охотника, попросился с нами. «Мой Макар мишку найдет». Абсолютное большинство тувинцев, с которыми мы беседовали, чисто говорят по-русски. В разговоре же с Парааном приходится помогать жестами, мимикой...

Моторку, на которой мы поднимаемся к верховьям Хамсыры, ведет Гаврила Блинов — крупный энергичный парень. Промысловик свободно объясняется по-тувински, все время

о чем-то говорит с Дезингером, и они весело смеются. «Хамсыра» — переводит нам Блинов — «нечто вроде шаманского или священного дерева».

На реке много шивер, быстрин и тяжело груженная моторка с трудом преодолевает течение. В десяти километрах выше поселка форсировали трудную шиверу «Соленая». Перекаты встречаются часто среди крутых поворотов реки, на берегах много наносника. Первую ночевку сделали пониже «щек» — сужения на реке. Пока мои товарищи занимались грибами, утками, мы с Блиновым ходили по лесу. В одном месте я чуть не наступил на гадюку. «Смотри-ка, змея? — удивился мой спутник. — Промышляю здесь, а вот впервые увидел». Спугивая рябчиков, белок и бурундуков, дошли до озера, на котором плавала семерка гоголей, и повернули к лагерю.

Между тем насторожившийся лес снова ждал дождя. Готовится к ненастью и наш отряд. Палатку уже натянули, мотор, снаряжение накрыли брезентом, плащами. В быстро густеющих сумерках немного еще посидели на берегу. Полубовались на вьющихся над водой летучих мышей, охотящихся сов, а потом нырнули под полог.

Второй день плавания начали с преодоления «щек». Здесь сильный «вал», бурное течение, и пришлось облегчать лодку. Параан, Володя, Олег ушли берегом в обход. Умчался за ними и Макар.

Последующий путь был тоже непростой. Миновав устье левобережного притока Соруг и повоевав с потоками и мелями четырехкилометровой шиверы — здесь местами лодку ве-

ли на бечеве, достигли наконец водопада. По нашей прикидке до него от поселка километров пятьдесят-шестьдесят. Несмотря на то, что на правом берегу есть подъемник, с воротом на бугре, лодку перетаскивать не надо. Выше водопада жители Хамсыры держат другую. Не откладывая, сразу же унесли к ней мотор, канистры и ушли устраиваться на очередной отдых в правобережную избушку. Водопад заинтриговал рыбаков. Это по их требованию мы остались здесь ночевать.

Побродили с часок по тайге. Спугнули кабаргу, потом маралуху. До самой темноты варили и жарили уток, грибы. Ближе к вечеру на прочной веревке спустили к подножию водопада Олега. Товарищ долго стегал реку спиннингом и добился-таки своего. Таймень так хватил блесну, что лопнул якорек и с нашего спутника слетели очки. Володя же, он ловил удочкой, принес связку хариусов.

Утром перегоняли лодку к следующей избушке — там в нее погрузятся наши спутники. В такую воду вдоль правого берега нам не уплыть. Здесь камни. Переплывать же к противоположному берегу вынуждены выше водопада. Долго грели мотор, договаривались как страховаться шестами. Наконец рывок, минута напряженного ожидания, и вот мы вне опасности. Лодка уверенно убегает от режущего потока. На крыше промысловой избушки Володя увидел ястреба. Гаврила не вытерпел, выстрелил. Хищник подпрыгнул, и из его лап на крышу упало что-то крупное, белое. Пошли осматривать жертву ястреба. «Крохаль! Чисто ощипанный крохаль! На, Мака-р, гостинiec тебе от тетеревятника». Но со-

бака воротит нос. «Варить надо», — медленно выговорил Дезингер. «Сырым кушать не будет».

Вскоре вошли в озеро Алды-Дэрлиг-Холь длиной около семи километров. Прижимаясь к восточному берегу, сгоняя множество уток, миновали его. межозерную протоку, в которую с севера впадает река Дотот, и попали в еще большее, очень красивое озеро Устю-Дэрлиг-Холь. В переводе на русский — это Верхнее небесное озеро. Уже проплыв большую часть его, увидели слева три избы. Это и есть рыбацкий стан — Дотот — исходный пункт нашего пешеходного путешествия на восточно-саянский хребет Тайга-Ужазы. Только вылезли на берег — нас атаковали собаки. Сначала яростно облаяли, затем самым дружеским образом к нам приласкались. Хозяев стана, супругов Грязновых, дома не оказалось, и мы заняли единственную пустующую избушку, где и дослушали повествование Блинова о нашествии медведей.

«Когда медведи стали губить людей, нам дали задание подняться на моторке по Хамсыре, искать бродивших по берегам хищников и расстреливать их. В начале октября 1962 года, когда владельцы этого стана были в Хамсаре, мы сюда и приплыли, все с карабинами. Видим, весь берег в медвежьих следах. Вылез один на берег, идет по следу. Только приблизился к избушке, на него, через развешанную рыбачью сеть, медведь! От неожиданности человек метнулся в озеро, упал и выстрелил в воздух. Мы открыли стрельбу по запутавшемуся хищнику, убили. Со смехом и шутками над смущенно оправдывающимся охотником,

пошли в жилую избу. Убираю кол, открываю дверь и... на полу, посредине рассыпанных карт другой лежит. Пасть ощерил. Едва успел дверь я захлопнуть и кол приставить. Оказывается спустившаяся в Тайга-Ужазы «шайка» медведей, захватила Дотот. Один хищник разворотил потолок жилой избы и проник в нее. Съел ведро сахара, вырвал из окна раму, выбросил на улицу радиоприемник и улегся отдыхать. Второй завладел шалашом из коры. В нем были две бочки мяса. Разломав их и наевшись, он отбил атаки остальных и поселился там охранять добычу. Обиженные пытались взломать глубоко закопанный ледник с рыбой, но тщетно. На долю этих двух достались лишь два стоящих на улице ведра с рыбными отходами. Одно потом вон на том бугре нашли, другое — километрах в трех, на тропе, изгрызанное, измятое, разорванное пополам. Возможно, похититель надел его на морду, пытаясь вылизать дно и потом долго не мог избавиться».

В последний день августа снова задождило. Несмотря на непогоду, прощались с возвращающимся в Хамсару Гаврилой. Его ожидают приезжие шишкобои, нас же Тайга-Ужазы. Звериная тропа уводит нас на северо-восток, вверх по реке Остюрэн. Часа четыре прошло, когда вдруг слабо твякнул Макар. В тот же момент увидели маралуху. Преследуемая псом она сделала вокруг нас два круга, приближаясь каждый раз метров на тридцать, затем умчалась в гору. Пес смотрит на нас с укоризной.

Заночевали у второго притока Остюрена, на предгорном плато Чайганы-Оргу. С помощью

Олега, который знает немало киргизских слов, а этот язык в какой-то мере родственен тувинскому, но в основном при помощи характерных жестов, Дезингер объяснил хохочущему коллективу происхождение названия Тайга-Ужазы. Оказывается, «голый как зад». Тайга у тувинцев не глухой лес, а наоборот, плечи в лесу. Все горные образования с гольцами на вершинах имеют у них приставку — «тайга».

После завтрака поднимались по второму притоку. Часа через четыре вскарабкались наконец на перевал. В его седловине — озера. Только присели отдохнуть, заволновался Дезингер. В глубине долины, пропадая и появляясь вновь в складках местности, ехало пятеро верховых. Трое повернули к нашему костру. Оказывается, члены топографической экспедиции. Коллектив разнородный: татарин, казах и грузин. Пожаловались — мучаются без курева и чая. Конечно, с удовольствием с ними поделились. Все время тревожился старший: «Когда выпадет снег? Нам еще два знака ставить. Успеем ли вернуться в Бурятию, в Орлик?» Осень конечно затяжная, но спешите. В этом районе снегопады начинаются на декаду или пару недель попозже, чем в Центральных Саянах.

Оказалось, перевал пока не имеет названия, и топографы его собираются «придумать». Попросили назвать Морской! Охотно выполним. Запомните — высота «вашего» перевала 1 860 метров.

Весь следующий день продолжали кружить по хребту. С высоты 2 240 метров долго любовались заснеженной цепью хребта Большой Саян, потом ушли на перевальную седловину

третьего притока Остюрена, Парлангелыг-узюк. Седловина эта, словно огромный цирк, и мы не сразу ее покинули. И Дотот и названия других перевалов тут уже не тувинские. В этот угол Саян проникают его восточные обитатели — буряты.

На пути к четвертому притоку, вблизи от перевала снова обнаружили целую серию озер. На вопросы Володи и Олега, есть ли в них рыба, Дезингер авторитетно изрек: «чок», т. е. нет. Но рыбаков не проведешь. «А круги на воде?» Подошли к ручейку, выпадающему из озера. Его берега густо заросли. Дезингер выглянул из-за куста и издал удивленный возглас. Ручеек, ширина и глубина которого редко где достигала метра, буквально кишел хариусами. Особенно много их было у истока. Всю рыболовную принадлежность мы оставили в избушке, с собой взяли только пару лесок и мух. Володя как более опытный рыбак и обладатель мухи начал дергать хариусов одного за другим. У Олега сначала не ладилось, но когда он подремонтировал муху за счет своих же волос, дело пошло на лад. Хариусы тут не крупные, в основном граммов по сто, но клев необычен. За полтора часа Володя и Олег добыли семьдесят рыб, из них два «гиганта» граммов по четыреста. Мы с Дезингером пытались поохотиться, но быстро вернулись к палатке. Уж очень грозно стал грохотать гром. От нечего делать я тоже взялся за удочку. Перед дождем клев был удивительный. Рыба наперегонки пыталась овладеть приманкой. Когда стало темнеть, даже старалась поймать ее в воздухе. И вдруг как обрезало. Клев прекратился.

На рассвете, пока Олег и Володя рыбачили, сделали с Дезингером десятикилометровый поход. Но увы, Макар следа не брал. Каменистое плато, по которому мы путешествуем, в следах копытных: маралов, северных оленей, козлов. Местность здесь очень привлекательная. Плато покрыто светло-зеленым ягелем, березой, ольхой с покрасневшими листьями. Склоны же в кедрачах. К десяти вернулись к палатке.

И снова — на восток. В леске с большим количеством валежника спугнули двух глухарок. Макара как иглой кольнули. Дернулся и едва не схватил бежавшую «по полу» птицу. Уже ближе к полдню нашли поросший отличным кедрачом холм. Тут же масса ягод, моховиков. На холме кипит жизнь. Стрекогут кедровки, снуют бурундуки. Здесь передохнули, пообедали. Если голубика, грибы ни у кого уже интереса не вызывают, то кедровым орехом наслаждаемся все. Стукнешь по стволу сапогом, одна-две шишки шлепаются в мох. В трапезе участвует и Макар. Зажимает шишку лапами, выгрызает из нее орехи и ест их как медведь, вместе со скорлупой. Мы, переняв местный опыт, насаживаем шишку на заостренную веточку и опаливаем в костре. Смола обгорает, чешуйки розовеют, открываются, приглашают вынуть орешки. А какой приятный запах!

Сегодня уже пятое сентября. Должно уже похолодать, сыпануть снежком. Пора тогда зареветь и маралам. Сейчас же тепло, и быки не зовут соперников на дуэль. Тайга по-прежнему безмолвствует...

Во время вечерней охоты видели неболь-

шую маралуху. Несколько мгновений она рассматривала нас, потом ускакала.

Утром карабкались на крутую гору. Лезем наискосок, против ветра. Почти до самой вершины склон в кедраче, но наверху все-таки привычный голец. Макар страшно возбужден. То тут, то там снуют белки и бурундуки. Пес как чувствует — лаять нельзя, и нехотя отворачивается от любимой охоты. Миновали очередной бурелом, почти на самой вершине — тропка. Чья? Внимательно вглядываемся в следы. Вдруг Дезингер метнулся в сторону и выглянул из-за холмика. «Смотри!» Против нас совершенно спокойно стояла кабарга. Клыков у нее не было. «Самка!» К сожалению, фотоаппарат остался на биваке и самый маленький из сибирских оленей снят не был.

Пока не похолодало, мы еще несколько дней охотились на хребте Тайга-Ужазы. «Почему ни разу не спугнули кабанов?» «Они на реке Дотот, в дубняках...» Дубняками Параан называет предгольцевые «кривые» кедрачи.

К вечеру десятого, в сплошном уже снегопаде, мы снова спустились к Дототу. Вымокшие и усталые ввалились в «нашу» избу. Сутки на отдых.

Уже к темноте к нам заглянули супруги Грязновы. Познакомились, поговорили. Муж и жена много рассказывали о жизни тувинских промысловиков. «...Ежегодно каждый из нас должен добыть и сдать государству 2 тонны рыбы, тонну кедрового ореха, сто килограммов ягод, отстрелять 20—25 соболей, работать на сплаве.

При выполнении плана заработок 200 — 250

рублей в месяц, плюс продукты собирательства, охоты, рыболовства. На жизнь не жалуемся». Грязновы много рыбачили на тувинских озерах. Ловили в них щук, сорожку, окуней, сига, налимов, хариусов, ленков, тайменей. «Озер у нас множество, и у каждого разная слава. Азас, например, знаменит гигантскими тайменями, могучими сигами. Тайменя я отлавливал здесь до 43,5 кг. На Нойон-холе, длина этого озера тридцать километров, глубина до двухсот метров, рыба «фенозная», то есть большая. В печени сига, хариуса, налима — черви. Вскрываются наши озера в конце мая, начале июня. Замерзают к середине ноября. Пойманную рыбу мы чистим, потрошим, солим и прячем в ледник. Зимой АН-2 садится на озерный лед, и увозит нашу добычу».

Утром на порог нашей избушки, дверь была открыта, села птица удивительной для нас, северян, окраски. На голове ее топорщился преогромный хохолок. Все ахнули. Я зашипел: «Где фотоаппарат?» «Дикий петушок» важно и высокомерно оглядел нас и соскочил с порога на землю. Над порогом возвышался его хохол. Я шлепнулся на пол и пополз к нему с дикой мыслью схватить его через порог. И что же? Авантюра удалась! К нашему удивлению вел он себя в руках очень спокойно. «Давно хочу сделать из такого чучело», — поделилась супруга промысловика. Но я подбросил птицу в воздух. «Жалко». Впоследствии я узнал, что это был удод.

Еще двое суток мы спускались по Хамсыре на моторке «хозяина» Нижнего озера, Дмитрия Дорофеева. Чем ближе к поселку —

все мрачнее Дезингер—Макар «опозорился» и охотник опасается за свой авторитет.

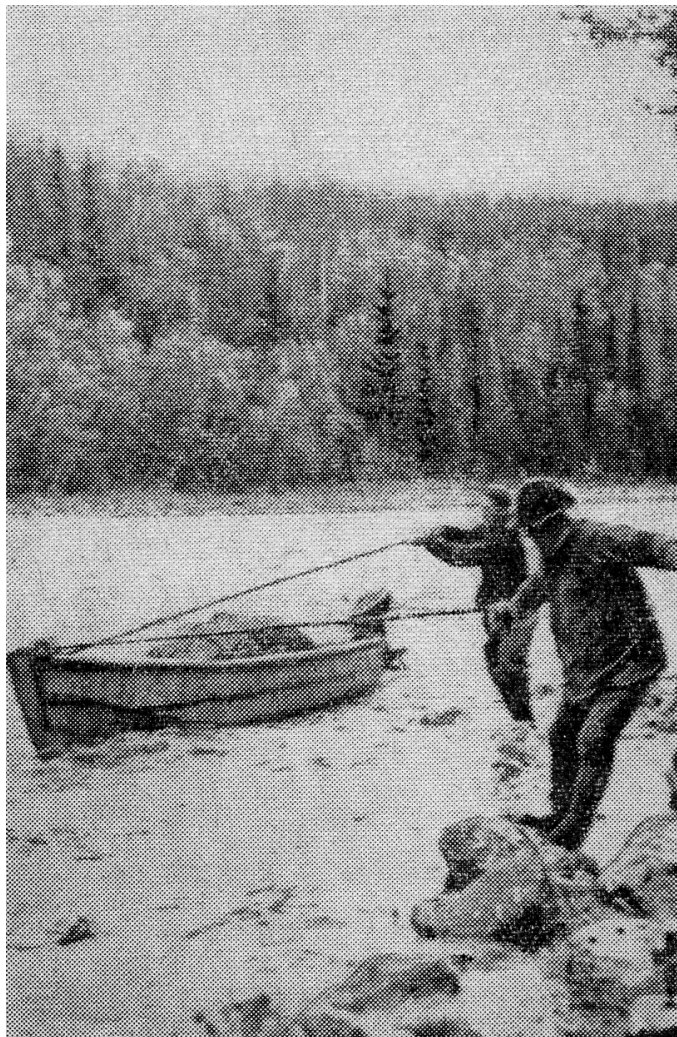
Как и предполагали, оправдания Параана в поселке и слушать не стали. «Потеха. На Тайга-Ужасы медведя не нашли!»

Уже на следующее утро мы предприняли новый поход, на этот раз на Ойва-Тайгу. Параану надо работать и его заменил в нашей группе Гавриил Блинов со своей черно-белой лайкой Дружок. «Дружок не Макар, этот след не потеряет».

Базовый лагерь разбили на берегу Хамсыры, вблизи безымянного ручья. Здесь остались мои товарищи и местный житель Григорий. Они будут здесь рыбачить. Мы же с Гаврилой Блиновым — снова в тайгу. На Ойва-Тайге в этом году хороший урожай ореха, и именно здесь — так считают все охотники поселка, и следует повторить поиск медведей.

Вот уже трое суток, при нескончаемом снегопаде, кружим мы по побелевшим склонам Улуг-тайги — так местные называют обозначенную на нашей карте Ойва-тайгу. На рассвете и по вечерам мы караулим в скрадках, засадах шишкующих мишек, но видели только маралух. «В чем дело», — ломает голову промысловик: — «самое время пришло. Почему быки-маралы на той горе не ревут?» Ближе к вечеру, это уже при возвращении на базо-

Провод лодки на бечеве

вый лагерь, мы вышли на костер шишкобоек. Встретили нас очень гостеприимно, предложили задержаться и пошишковать совместно.

Оказывается, это жители Тора-Хем. Прилетели в Хамсару на время отпуска, «на природе» пожить и заработать. «В таком богатом кедраче, — делились шишкобой, — за вычетом расходов мы заработаем за две недели рублей по триста на каждого». В леспромхозе людей не хватает, и нас с радостью приглашают. Разрешают нам и домой гостинец захватить. По ведру ореха.

Перед темнотой прекратился наконец снег. Согрелись горячим и сушимся у костра. Медленно выходящая на небосклон луна боролась с тьмою, появилось зыбкое и призрачное сияние. Только выслушали очередного рассказчика, из-под горы, с болота, завывало на разные голоса: «у-у-у-у...»

Волки. Схватив ружье, я кинулся вниз по склону. Еще быстрее туда понесся Дружок. «Дружок, Дружок!» — закричал Гаврила. Он совсем не хотел лишаться пса. То ли подействовал оклик хозяина, то ли лайка вспомнила, как однажды уже пострадала в драке с молодым волком, но пес вернулся.

Затаившись у подножия холма, я начал манить... Сзади слегка затрещало. Это Гаврила. «Дружка привязал», — шепнул он. Услышав бабу, стая смолкла. Зато на повторный зов ответила дружно и значительно ближе. «Слышу плеск на болоте. К нам идут», — шепнул мой спутник. Я снова поманил. Ответили волки не далее как метрах в трехстах.

Неожиданно сверху, от костра, опять рва-

нул взрыв веселого хохота. Шишкобой рассказывали очередной анекдот. И наступила мертвая тишина. Волки больше уже не ответили.

Блинов как прозрел. «Вот почему маралов тут не слышно. При таких соседях и голос перехватит! Эту волчицу мы зорили вон на той горе, года два подряд. В первый год откопали весь выводок. На следующий она снова логово невдалеке устроила. Разорили опять. А вот в этом году как-то не до них было, и вот вырастила! Сейчас волчата уже не меньше моего Дружка. Будет теперь забот».

Утром помогли шишкобоям. Гаврила, парень мощного телосложения, бил по стволам «балдой» — поленом с тонкой и длинной рукояткой. Остальные орудовали колотами, изготовленными из лиственницы. Колот наиболее распространенное оружие шишкобоев.

«Из пяти кулей шишек набирается пятидесятикилограммовый мешок ореха, за килограмм которого нам платят семьдесят копеек. Если хорошо потрудиться, за рабочий день можно насобирать до семи и даже восьми кулей шишек», — говорят тора-хемцы.

Семнадцатого сентября мы вернулись в свой лагерь. Рыбаки были довольны. «Вы нас птицей, мы вас рыбой!» В лодке кучились сороги, хариусы, ленки. Несмотря на то, что Гаврила, как и другие местные жители, применяют вертящиеся блесны или маскируют блесну шкуркой мыши, бурундука, тайменя спясть не поймали.

Впервые мы побывали в Саянах осенью. Осенний лес имеет свою прелесть. Вокруг зелеными, желтыми и красными пятнами тай-

га. Почти нет гнуса. Обилие грибов, ягод и такого вкусного кедрового ореха. Им мы буквально объедались. Побывав на юго-востоке Саян, мы хотим еще исследовать и «левый фланг» этих гор. Это намечено сделать в ближайшие отпуска.

НА МЕДВЕЖЬИ ЕЛАНИ

В Иммиское к Колеватову, пригласившему нас в новый поход по Кизиру, приехали в последней декаде апреля. На Кизире — ледоход, и поэтому не без трудностей перебрались через реку.

Иммиское — село крупное, электрифицированное. Имеет свою школу-десятилетку. Везде снуют велосипедисты, мотоциклисты, на берегу реки много моторок.

Весь день с моим сослуживцем Леонидом Рыбаковым и Николаем Колеватовым мы трудились, снаряжая лодку. Торопимся. Нам предоставлен ранний, к тому же неполный отпуск. Уже двадцать второго, максимум двадцать третьего мая, необходимо вылететь домой.

Вечером, когда после баньки делились за столом новостями, к Николаю зашел «на огонек» его друг — энергичный, рыжебородый мужичок — тоже промысловик. Заметив, что Леонид бросил взгляд на его изуродованную руку, бодро сказал: «Вышел на пенсию!» Оказы-

вается, Цыбан — такова фамилия деда — этой зимой побывал под медведем. «Руку я спас медвежьей требухой. Парными внутренностями ее обмотал, и добрался до жилья. Теперь видите какая?»

Перед отплытием Николай нам объяснил: «В высокогорье еще холодно, снеготаяние слабое, и поэтому выше первого порога вода малая. Здесь же, как видите, воды много. Это потому, что притоки Шинда и Ничка на солнечной стороне, круто падают и даже сейчас имеют значительный сток. Весной на нашей реке — «качели». Внизу воды много, вверху мало, вверху много — внизу мало».

Лавируя между несущимися навстречу льдинами и порядком промерзнув, добрались по Кизиру до Кордово, где заночевали в сторожке на берегу реки.

Утром плывем дальше. Николай вынужден маневрировать — уклоняться от быстро плывущих льдин. На реке холодно, и мы часто вылезаем на берег, чтобы отогреться у костра.

В Усть-Джебе я разговорился с Мартыновым-младшим. «Очень надолго отрываемся от семьи, — говорил Павел, — леспромхоз не хочет раскошелиться на вертолет. Можно и нас, и снаряжение закидывать в отдаленные районы, а на праздники снимать с промысла... Сразу бы все изменилось. А сейчас? Такой тяжелый труд и такой риск. Не буду я больше в таких условиях соболевать. Теперь работаю трактористом и все время живу дома. Безо всякого риска до четырехсот рублей в месяц получаю...»

Рассказ Павла — это мнение молодых со-

болевищников. Если не прислушаться к ним, не учесть все возрастающих их потребностей, количество промысловых охотников будет неуклонно снижаться.

Во время третьего похода километрах в четырех ниже первого порога мы посетили палаточный лагерь экспедиции геологов. Каково же было мое изумление, когда сейчас сквозь туманный рассвет я увидел очертания крупного поселка в несколько десятков изб. Вот это темпы!

Довольно долго маневрировал и вдоль ледяного припая, выискивая щель для лодки. Наконец нашли. Жители рассказали, что к новому поселку уже пробита тракторная дорога от Усть-Джеба.

Несмотря на то, что затор у первого порога прорвало еще вчера, ниже порога лед. Пришлось перетаскивать лодку и снаряжение метров триста по льду и только потом — по знакомой нам переволоке.

На правобережных камнях появился памятник. Летом 1961 года в порог сбросило экспедиционную лодку. Погиб начальник экспедиции, его брат и его невеста.

Намаявшись на переволоке, с трудом уклоняясь от встречных льдин на воде решили остановиться в избушке на левом берегу. До нее от порога километра два с небольшим.

Отгащили от избы медвежью голову и лапу — очевидно их оставили промысловики — и приступили к первой рыбалке, которой на здешних реках разрешается заниматься до десятого мая. После этого наступает месячный запрет.

Самое интересное — ловить хариусов и лен-

ков удочкой и спиннингом — именно этим мы наслаждались все майские праздники. Нам интересно было проверить наблюдения кизирских рыбаков. «Весной и летом днем крупный хариус в основном на глубине, таймень в берега. Ночью же наоборот».

Кроме удочки и спиннинга, мы привезли с собой двадцатиметровую одностенку с ячейей 30 мм, и дождавшись похолодания, не поленились выпилить двухручной пилой тридцатиметровое ледяное поле, мешающее установке сетки у заводи. Утром ее осмотрели — но увы — ленок и восемь хариусов...

Десятого, после форсирования шивер Прямой и «предбанника», ночевали и рыбачили вблизи «бани». Но на этот раз рыбалка не получилась, валил снег, шел лед. А на утро нас вообще встретила зима. Все бело, хоть сейчас на соболиный промысел!

«Баню» мы проходили с особой осторожностью. Несмотря на то, что вода сейчас больше, чем в шестьдесят первом и камни в основном под водой, плыть опаснее. Берега покрыты двухметровой толщины льдом, и в случае неудачи на берег уже не выбраться. Только миновали препятствие, увидели глухарку. Моторка прошла в пятнадцати метрах от птицы, и только тогда она, наконец, слетела.

Осенью 1962 года в «бане» погибли члены экспедиции, работавшие в среднем течении Кизира. Трое рабочих не дождались обещанного вертолета и, оставив начальнику расписку, что снимают с него всякую ответственность, отправились в плавание самостоятельно. Спасся один.

Давно пора руководителям местных лес-

промхозов в километре выше Семеновской шиверы, а еще лучше и всех других порогов Кизира и Казыра поставить щиты с предупредительными надписями. Скольким людям: промысловикам, геологам, туристам — помогли бы такие простые меры предосторожности.

Теперь, когда у рыбы наступил нерест и рыбалка на месяц запрещена, предстоит мое любимое развлечение — охота. В избушке у притока Андрианихи Колеватов весь сегодняшний вечер делился своим охотничьим опытом. Бывший сержант авиации давно уже стал кизирской знаменитостью. По результатам прошедшего сезона он занял первое место в Красноярском крае. Мы с Леонидом Рыбаковым с интересом его слушаем. Охота на соболя сродни нашей, северной, по кунице. Привезем на Беломорье полезный опыт.

— Надо по-настоящему трудиться, — говорил Колеватов. — Некоторые у нас облавливают только «жирные» места. Я же промышляю на большом участке. В эту зиму ставил сто сорок кулек, семьдесят капканов № 2 (чинаревских). Капканы и кулекки ставил «один раз», то есть с хитростями, тщательно. Если соболь из небрежно установленной ловушки уйдет, второй раз его поймать гораздо труднее. Он будет остерегаться. Очень важны приманки. Самое любимое у соболя лакомство — рябчик. Но отдельные зверьки осторожны, не идут в ловушку. Тогда я на замаскированной ветками проволоке подвешиваю мясо. Капкан же чуть смещаю в сторону. Обойдя капкан, его зверек чует, соболь хватается приманку. Но проволоку-то ему не порвать!

Соболь начинает злиться, вцепившись в мясо, метаться и «забывшись», наступает на капкан...»

— Маскируем капкан и так, — продолжал Николай, — когда соболь попадает в капкан, бьется в нем, он мочится, оставляя на снегу кровь, запахи пота и шерсти. Мы такой снег аккуратно, деревянной лопаткой снимаем и рассыпаем в тех местах, где ставим другие капканы. Соболь охотно обследует места, где «возился» другой зверек и тут-то попадает. Вообще капканы, кулемки, охота с ружьем и собакой дают почти равное количество соболей. Конечно, в отдельные годы это соотношение нарушается в пользу какого-нибудь способа. Платят же нам за зверька от 18 до 72 рублей».

Леонид поинтересовался: «Почему приваду не берут лайки. Как они не попадают в капканы?»

— Ну это совсем просто. Мы молодую лайку засовываем шеей под давок кулемки и, прижимая его ногой, душим пса, пока не запугаем его раз и навсегда. Такие уроки запоминаются быстро. Собаки у нас сообразительные и работающие. Возьмите моего Беркута. Этой зимой соболь ушел через дупло в полый ствол огромнейшего кедра и умчался вверх. Беркут полез за ним. А в вершине — толстенный развилок. Я по голосу слышу — в него ушли. Потом собака стала скулить и... замолчала. Всю ночь в лютый мороз валил я топором могучий кедр. Уже к утру рухнул он, гнилой развилок лопнул, и вывалилась бездыханная собака и задавленный в драке соболь. Наверное осыпавшаяся труха закрыла выход

псу. Я его долго растирал, дул в нос, делал искусственное дыхание, И что же? Ожил! Сначала, правда, обеспамятел, норовил в огонь броситься, но потом прошло. Теперь снова охотится».

Уже из этих коротких рассказов можно представить, как нелегко дается сибирским промысловикам выполнение плана заготовки пушнины. Ведь почти четыре месяца живет охотник в далекой таежной избушке совершенно один.

Двенадцатого мая мы подплыли, наконец, к «моим» еланям. После бурных столкновений с медведями в 1961 году я сделал приметные с реки затески, и вот мы опять здесь. Сразу же совершили ошибку, в которой был повинен только я: не остановил моторку с подветра от елани. Только проскочили на ветер, как с окраины лужка сорвался в бег медведь. Я высадился на берег сторожить.

Караулил затаясь. Обманутая моей неподвижностью скопа устроилась невдалеке на кедре и выслеживает хариусов.

Неожиданно она снимается, круто планирует и падает в реку. Миг — и в когтях ее далеко оттянутых лап засверкала рыбина. В бинокль хорошо видно, как на нависшем над водой стволе березы «рыболов» рвет клювом добычу, поддерживая частыми взмахами крыльев равновесие.

После ночевки у костра я безрезультатно караулил и весь следующий день, а в полдень приплыли товарищи. Оказывается, покинув меня вчера, они видели в километре отсюда, на другой елани, еще одного крупного медведя.

Ночью пошел дождь, и в реке заметно прибыла вода. К вечеру следующего дня за мной опять примчалась моторка. Стоящий на носу Рыбаков отчаянно жестикулировал, изображая переваливающегося медведя. Ясно, они где-то опять его увидели. Схватив ружье и рогатину, я прыгнул в лодку и через четверть часа уже карабкался в гору. Добрый час я взбирался по кручам. Но увы... мишка ушел.

«Нечего было обходить его сверху. Ветер тут ни при чем», — ворчал таежник. Каждый остался при своем мнении...

Последняя ночь меня измучила. Дождь промочил и брезент, и меховую доху, оставленную мне заботливыми товарищами. С размытого склона горы всю ночь падали в реку камни. Их грохот будил меня.

К утру резко похолодало и пошел снег, Горы и реку скрыло в молоке тумана. Об охоте нечего было и думать. К обеду приплыли друзья. Николай категорически заявил: «Завтра начнем сплав. Сильно прибывает вода».

Восемнадцатого поплыли вниз.

А какой выдался денек! После многодневных непрерывных дождей наступила настоящая весенняя погода. Голубое небо источало слепящий свет, еле уловимый ветерок разбросал по реке запахи кедра, прелого мха, листьев.

После одного из бесчисленных поворотов на северной солнечной стороне Кизира снова увидели елани.

— Медведь! А вон второй!

Шум моторки спугнул темного мишку, рез-

во перебежавшего лужайку. Полез вверх и второй. Несколько выше угадывался распадок, в нем и скрылись животные. Николай на малых оборотах подвел лодку к берегу. Я быстро развязал мешок и выхватил десяток патронов. «Пойду с вами», — предложил таежник, вытаскивая из лодки свою одностволку.

На середине горы мы разминулись. Николай взял правее. Вскоре я услышал тонкий свист и поспешил к товарищу.

«Вон», — прошептал Николай, вытягивая руку. Я выглянул из-за куста. На противоположном, отдаленном от нас заснеженной седловиной склоне, бродил медведь. Ветер был для нас не благоприятным. Если чуть-чуть завернет, наш запах набросит на медведя. Я начал скрадывать. Местами полз попластунски. Улучив момент, выстрелил. Медведь обрушился в кустарник.

Озлобленной зверь ломал кустарник. «Дострелишь или на рогатину?» — спросил Колеватов...

Я давно интересовался литературой об отошедшей в прошлое охоте на медведя с рогатиной. В былое время на него ходили вдвоем, с притравленными по медведю лайками. Зверя брали на рогатину, при весе его, не превышавшем 120—130 килограммов. Если он оказывался крупнее — стреляли. В настольной книге охотника-спортсмена написано: «Охота на медведя с рогатиной является едва ли не самой высокоспортивной из всех охот». На возражения моих друзей о большом риске я ссылался на альпинистов: они и после появления вертолетов лазают по горам старым способом. И вообще я считаю, что на медведя

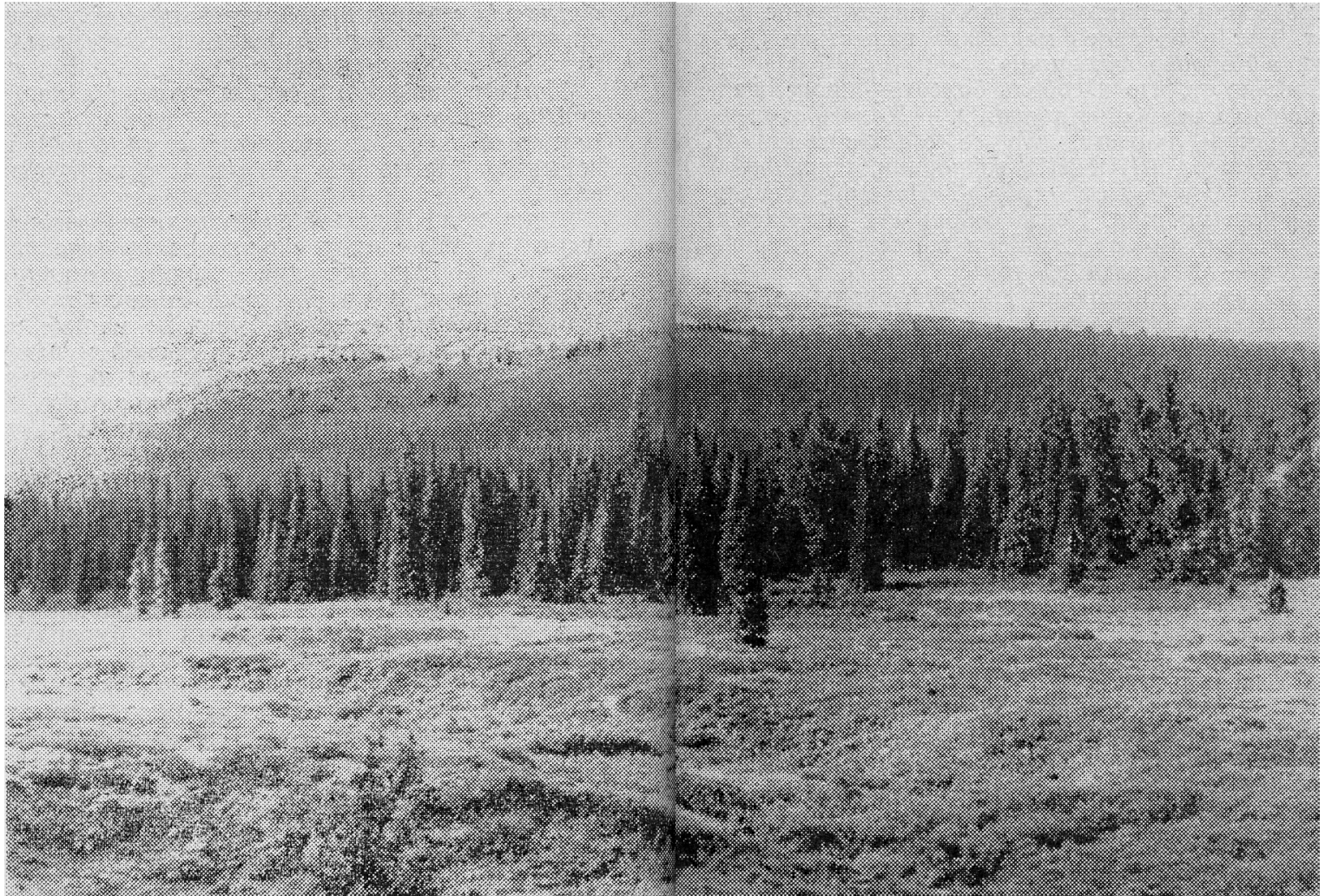
честнее и справедливее охотиться с холодным оружием. Такую охоту следовало бы узаконить вместо ружейной.

Момент для первой пробы вроде бы наступил, но дело в том, что мою рогатину (двухметровый шест с сорокасантиметровым лезвием) мы спрятали в верховьях реки, против еланей...

В эту ночь Николай снова делился интересными наблюдениями кизирских промысловиков. «Зимой у нас дуют преимущественно южные ветры, и на северных склонах хребта Крыжина снега меньше. Здесь по нашим наблюдениям и зимует зверь, а весной и летом он собирается в бассейнах Шинды и Нички. Что касается медведей, то после выхода из берлоги они сначала уходят в низовья, где раньше снег сходит и, следовательно, быстрее появляются черемша и дудка. Потом, по мере таяния, значительная часть медведей снова уходит в верховья рек, ручьев, на перевалы.

Неурожай кедрового ореха были и раньше, но то, что произошло у нас в 1961 — 1962 годах, — необычно. В 1961 году был плохой урожай ореха, вымерли кедровки и бурундуки и потому весной мишкам их запасами ореха поживиться не пришлось. В 1962 году орех был местами, да и тот упал рано и как-то сразу. Зато был обильный урожай рябины. Медведи, обманутые ее аппетитным видом,

По Канскому белогорью

предпочли ее пихтовой хвое, а она жиру не дает. Вот и началось медвежье нашествие. Даже в Кордово заходили!»

«Бывает, что и соболь болеет, — продолжал свое повествование таежник. — У него иногда на шкуре короста, это ее обесценивает. Я получаю от ВНИИЖП вопросник. Спрашивают: почему болеет соболь? На мой взгляд, причина простая. Когда соболь ест один орех и рябину, он болеет. Если же много мясной пищи — он всегда здоров».

Во второй половине дня, благополучно миновав кизирские препятствия, мы достигли поселка изыскателей, где и заночевали.

Хозяин избы, в которую нас пригласили, — молодой радушный парень. На стене — пять растянутых веером глухариных хвостов. Оказывается, километрах в семи отсюда необыкновенные глухариные тока.

— В праздники двадцать охотников поселка взяли за один выход 130 глухарей! Результат напугал самих жителей, и все постановили, что так больше бить нельзя.

Ночью собаки, а их тут множество, растащили из лодки весь медвежий жир и съедобные внутренности. Почертыхавшись, мы стали садиться в лодку.

Николай завел мотор, парень оттолкнул, мы машем руками, прощаясь.

Восход солнца застал нас в пути. Горы расступились, потеряли суровый облик, от реки веяло величием и спокойствием. За поворотом показались строения Иммиса.

КАНСКОЕ БЕЛОГОРЬЕ

Другой район Восточного Саяна — Канское белогорье мы запланировали посетить после ввода в строй железной дороги Абакан — Тайшет, то есть в 1965 году. 24 января после семи лет героического труда ее мужественные строители забили последний, как они его называют, «серебряный» костыль. Через пять дней из Абакана на Тайшет вышел первый сквозной поезд.

От железнодорожной станции Мана — это были три прилепившихся к насыпи вагончика, — до поселка Мина полтора десятка километров, и мы «проголосовали». Попутный грузовик провез нас по пустынной улице еще не проснувшейся Мины и остановился у ворот дома промыслового охотника Евсея Егоровича Пухарева. В письме Пухарев обещал подбросить наше снаряжение «до одиннадцатого лога», но узнавший о наших планах тесть хозяина не вытерпел: «В тайгу хочется! Зброшу конем продукты до самого Разманова».

Несмотря на то, что мы утомлены, работа кипит. Докупаются продукты, переключается по-походному снаряжение. Надо быстрее «прорваться» в Саяны, а уж отоспимся в лесу. Сначала уехал к месту встречи дед, а в три часа дня леспромхозовский грузовик помчал нас по последней, проезжей в сторону тайги 25-километровой дороге. Миновали селение Кутурчино, потом достигли «одиннадца-

того лога» — тупика дороги. Как и планировалось, здесь нас уже ждал Федор Федорович Кнет со своей лошастью.

И вот наш отряд зашагал по лесной дорожке вверх по реке Мина, потом по полуразрушенному мостику перешел на ее левый берег, «До темноты желательно пройти еще километров двенадцать. Там заночуем, а с рассвета — поднапрячься и километров тридцать пройти... тороплюсь я, косить надо», — поясняет старик.

Мина речка быстрая, местами захламленная буреломом, но плыть на резиновой лодке в большинстве мест можно, разумеется, с соблюдением должной осторожности.

Федор Федорович всем понравился. Общительный старик. В свои семьдесят четыре года идет так, что мы еле за ним поспеваем. «Все мои родственники живут больше ста лет», — рассказывает он. Глядя на его сухощавую фигуру и жизнерадостное лицо никто не сомневается, что и он проживет не менее.

Воевал он в первую мировую и в Отечественную войну. В гражданскую же Федор Федорович был в партизанской армии А. Д. Кравченко, воевал с Колчаком. Об этом периоде своей жизни дед готов был рассказывать без конца.

С рассветом мы снова в пути. Километра через три перешли на правый берег.

У ручья — сооружение из жердей, Внутри него — полусъеденная корова, неумело настроженная петля из «цинкача». Подошедшие пастухи проклинают медведей: «Задрали корову, четырех телок. Медведь подходил к приваде на третьи и пятые сутки. Может остане-

тесь, покараулите. Жизни от проклятых нет».

Пришлось извиняться. «Да, у нас есть разрешение на отстрел хищника, но караулить медведя — это значит сорвать запланированное путешествие. Сейчас ведь не весна, когда им есть нечего. Когда еще придут! А нам двадцатого августа непременно нужно вернуться на службу».

За одним из поворотов мы увидели прислоненные к кусту охотничьи лыжи. Федор Федорович говорит: «Памятник это... В начале зимы в шестьдесят втором медведь настиг здесь возвращающегося с соболевки рабочего геологической партии Васильева. Собака его тогда прибежала в поселок вся израненная. Зять мой, по весне уже, нашел останки Васильева. Один ствол его двухстволки был, между прочим, заряжен — очевидно, нападение медведя было неожиданное, и Васильев успел выстрелить только один раз. Вот и стоят теперь на этом месте его лыжи».

К обеду достигли бывшего пристанища золотоискателя Разманова. Все пространство между этими тремя избушками поросло высоченной травой, из которой на нас сразу же налетели тучи гнуса. Но и мы не лыком шиты. Намазались диметилфтолатом и испортили мошкаре всю обедню...

Здесь мы должны расстаться с проводником, но Федор Федорович уже привык к нам: «Погоды неважные, сенокос потерпит. До бывшего прииска Юльевского вас доведу».

Выше Разманова, на шестом, восьмом и девятом километрах тоже есть промысловые избушки. Река заметно сузилась, стала мелкой. Тропа уводит нас то на один, то на другой

берег, пока не уходит, наконец, вверх по левобережному притоку. Начинается подъем на водораздельный перевал к истоку Большой Синичаги — правобережному притоку Маны. Часто спугиваем рябчиков, глухариные выводки. Вот и сейчас шумно взлетает копалуха, рассаживаются на ближайшие деревья глухарята. Сразу оживает бегущий за лошадью пес. Местные охотники без лайки в тайгу не ходят: а вдруг медведь! Миг — и он уже умчался за тем глухаренком, что по молодости сел не на дерево, а на «пол». Я за собакой. Только продрался сквозь чащу — из-за колодины с поджатым хвостом уже убегает пес, а на земле задавленный глухаренок. Пришлось взять пса на поводок, и теперь, уткнувшись носом в землю, почти касаясь задних копыт лошади, плетется он по тропе.

Ночевали в этот день на берегу ручейка, в глухой таежке, а чуть рассвело — мы уже в пути. Лезем через Кутурчинское белогорье к перевалу. Путь этот в целом не крут и сильно залесен. Не доходя до седловины, слева от тропы увидели на кедре затесь с надписью. Таежник писал о том, как медведь расправился с его отцом, промысловиком.

Вдоль Большой Синичаги попадают заросшие ямы — шурфы золотоискателей. «А вот и знаменитая миллионная яма», — поясняет наш проводник. — Сейчас она затоплена, а раньше здесь много золота добывали».

Идем высокотравьем. Но вот в просвете показался обрывистый склон с флагом на вершине. У подножия горы угадывается русло Маны. Глубоко внизу, в расширившейся здесь долине реки, остатки барачов бывшего при-

иска Юльевского. Его бросили сразу после войны.

Вошли в лагерь. У двух уцелевших изб — заседланные кони. Это геологи в тайгу собираются.

Пока товарищи снимали рюкзаки и устраивались в одной из пустующих комнат, я познакомился с начальником партии Владимиром Ивановичем Яшуком и другими геологами, обсудил с ними план нашего будущего маршрута.

Тут же договорились, что геологи к нашему возвращению подготовят нам свой салик, на котором мы сплавимся по Мане к Ангулу.

Погода стала заметно портиться. «Может, переждете, дедушка? — обратился я к собиравшемуся уезжать проводнику. — Плащ хорошо, а изба лучше!» Но Федор Федорович неумолим: «Сено нужно косить! До встречи в Мине!» «И откуда в нем столько сил? — дивились окружающие. — Ведь восемьдесят километров обратно ехать».

Остаток дня отдыхали и готовились к пешему походу. Мы намерены, минуя Манское озеро, проникнуть к верховьям рек Ничка, Шинда, Малое Пезо, а затем сплавиться по Мане.

Рано утром 25 июля, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, мы вышли из Юльевска. Через полкилометра по деревянным мосткам перешли на левый берег Маны и двинулись по тропе, которая идет сначала на юго-восток, а затем на юг. Километра через два от реки тропа раздваивается, но мы предупреждены — нужно идти по левой.

От Юльевского мимо Манского озера до

озера Большое Пезо тянется заметная, натоптанная промысловиками тропка, и мы, конечно, ею пользуемся.

Километров через восемь достигли первого ориентира — сожженного кедра. Здесь попили чайку со сгущенкой и сразу же двинулись через речку и сухой лог дальше. Но сделать рывок не удалось.

Загрохотал гром. Сильнейший ливень держал нас в заточении до утра, да и когда дождь прекратился и выглянуло солнце, в путь двинулись не сразу — ждали, когда лес и трава подсохнут. Около палатки на небольшой кедрушке снует белочка. Она непривычного для северян чернильного цвета, и мои товарищи глаз от нее не отрывают.

Продвигаясь к Манскому озеру, хорошо ориентироваться по горе Сивуха. Спутать ее с другими невозможно, так как у ее вершины сверкают на солнце части давно разбившегося самолета. Оставив Сивуху на западе, тропа подвела нас к полусожженной избушке на Манском озере. Здесь и разбили лагерь.

Полторакилометровой длины Манское озеро всем понравилось, хотя почти не имеет по берегам растительности. Озерное зеркало сплошь в кругах, и рыболовы, конечно, сразу же засуетились.

Последнее утро июля выпало по-летнему великолепным. Все вокруг пропитано солнцем, воздух, как хрусталь. Прежде чем продолжить путешествие, метрах в трехстах от избы мы сделали тайничок с запасом продуктов, необходимых для возвращения к Юльевскому, сверху положили смазанные ружейной щелочью металлические предметы.

К юго-востоку от озера есть небольшая горушка, у которой находится географический стык трех Восточно-Саянских белогорий: Кутурчинского, Манского и Канского. Когда мы миновали его, то сошли с тропы и взяли правее, к юго-востоку.

Уже с гребня первого цирка нам открылась величественная картина необъятных просторов окружающих нас белогорий.

Первые двое суток лазили по циркам, карабкались по скалам, спугивая белых куропаток. Уже к вечеру второго дня, миновав оставшееся внизу круглое, как чаша, озерко, подошли к краю котловины. Очередной цирк отсюда как на ладони: покрытые кедровой чашей берега; на противоположном склоне между полосками леса — пятна снега; по краям снежников — ярко-зеленые лужи. Все пространство внизу — сплошное высокотравье.

Решили стать лагерем на одной из террас. Вечером я оглядывал склоны в бинокль. Постепенно краски меняются. Багровый диск солнца сползает все ближе и ближе к западным вершинам. Становится прохладнее. Внимательно оглядываю те места, где периодически поднимают шум кедровки. Акустика же в цирке такова, что слышно их чуть не за два километра.

Прямо против нас, на вершине стройного деревца, сидит молодая кедровка. Жалобным голосом она издает мяукающие звуки, в которых мне явственно слышится: ма-ма, ма-ма. Наконец, к «дитяте» подлетает родительница. Миг — и обе они ныряют в кусты.

Рано утром я заметил шевелящееся у снежника противоположного склона темное

пятнышко. Медведь! Мы с Геннадием ринулись вниз. Начинается неизбежный в таких случаях марафон. Преодолеваем массу препятствий. Ноги путаются в кустарнике. Сзади — Геннадий. Он тащит рогатину. Кругом пятна примятой травы — лежки маралов. А вот сплошные траншеи из поваленной дудки и черемицы, словно трактор прошел. Это уже не марал!

Переходим бурный ручей. Теперь снова вверх. Уже метрах в четырехстах от снежника неожиданно увидели, как огромных размеров медведь неторопливо спускается вниз по склону. Неужели учуял? Я посмотрел на часы: семь утра. Пожалуй, совпадение. Ему пора кончать кормежку. — Приготовь бересту и спички, если после моих выстрелов побежит в твою сторону, не мечись. Поднимай бересту. Огня он побоится.

Я ринулся наперерез, прикинув место нашего сближения. Каждый провал, в который я скатывался, а затем карабкался на склон, каждая группа кустов — напряжение. В кустарнике угадывался проход. Я заскочил в него, ожидая внезапного нападения. «Только в голову!» — командую себе.

Опять просвет — кустарник кончился. Я все время подпрыгивал, пытаюсь рассмотреть по шевелению кустарника, где находится зверь. Но увы...

Пришлось снова бежать к Геннадию. Ведь со склона холма ему было видно и медведя и меня.

— Вы бежали правильно. Но он успел зайти в кустарник чуть раньше, и вы пробежали мимо него совсем рядом...

Делать нечего. Будем его сторожить. Долго в кустарнике не пролежит. Пить захочет. Геннадий уходит сообщить товарищам, чтобы перебирались поближе к нам.

Дневная жара свое дело сделала. Где-то после полудня в глубине чащи на мгновение всплыла медвежья спина, затем снова пропала. К ручью пошел.

Уже ближе к вечеру мы увидели бегущее по самой кромке «медвежьей чащи» какое-то животное. Издалека — как коза, оказалось — северный олень. В бинокль хорошо видны рога. Животное подбежало к снежнику и начало пастись. Потом минуты две постояло в небольшом овражке, и снова вперед. Теперь олень бежит по самой кромке кустарника в глубину цирка, к подножию обрыва.

Вдруг его словно хлестнули. Ветром промчался метров двести и снова перешел на неторопливую рысь. Значит медведь в той части кустарника!

Вечером мишка из чащи не вышел. Все должно решиться утром.

В половине пятого заняли позицию под кедрями. Изготовили оба киноаппарата. В утренних сумерках, метрах в пятистах от нас и опять не там, где предполагали, показалась спина медведя, уходившего в глубь кустарника. Очевидно, чтобы поймать ветер да и обзор улучшить, медведь встал на дыбы и шел на задних лапах, бурой глыбой возвышаясь над кустарником. Его огромная голова медленно поворачивалась то вправо, то влево, а затем все чаще и чаще в нашу сторону. «Почуял, что ли?» — встревожился я. До последней минуты мы надеялись, что он выйдет на склон

к аппетитно зеленеющей черемше и начнет кормиться. Но медведь уже поднимался той же самой расщелиной, что и вчерашний олень. Еще с минуту просматривали мы его силуэт на гребне и вот его нет. Ушел!

По белогорью мы путешествовали еще неделю. Посетили цирки в верховьях Шинды, Нички, у последней установили флаг. Гористые тундры Канского белогорья сравнительно (по отношению к горам Центрального Саяна) пологие, и по ним можно прокладывать самые разнообразные маршруты. Не надо только пренебрегать звериными тропами и стараться по возможности не уходить вниз. «Эх, недельки бы две еще отпуска, — сетовали товарищи, — проникнуть бы во-он туда». Взоры спутников неизменно обращались к скрытым синеватой дымкою горам юго-востока и востока.

Канское белогорье — это водораздел рек, текущих к Ангаре, Енисею, Кизиру. Отдельные участки некоторых рек можно использовать для сплава при возвращении из путешествия. Например, по Кану от устья Тукши до Улье и даже Кан-Оклера, по Шинде к Артемовску, между правобережными притоками Сондаева и Балахтисон; по Мане — от Юльевска до Соболинки. Можно отсюда уйти и на Кизир.

На посещение избы в верховьях Большого Пезо у нас не хватает времени, и мы, круто повернув назад, обследовали оба истока Малого Пезо, после чего десятого августа возвратились к Манскому озеру. Все наши припасы оказались в сохранности.

Не задерживаясь отправились к Сивухе. У

подножия этой горы, на берегу приятного озера, выбрали уютную таежку и стали лагерем. Мы с Евгением полезли на сильно заросший и крутой южный склон горы. Спугнули первых куропаток. Одна уселась на камень и, несмотря на то, что я был совсем рядом, а Евгений даже шикал и замахивался на нее, не улетела.

Опять караулили у снежников, но кроме удивительных по красоте красок заката ничего не увидели.

У костра всех развеселил Юрий. Он только что вернулся с грибами.

— Натерпелся я сейчас. Когда возвращался к лагерю, забрел в ручей. Стою и думаю, где лучше идти? Вдруг — треск. Только мне этого и не хватало, — думаю. Не иначе медведь. Метрах в десяти раздвинулась трава, и на меня уставился северный олень.

В четыре утра снова полезли на Сивуху, на этот раз уже все. Лазили по гребню, любовались великолепными цирками, восходящим солнцем, а охотничьих результатов никаких. Спускаясь — это уже с севера, миновали три озера и узкую, но довольно быструю речку, ее берега сплошь в звериных следах. У копытных тут водопой.

Ничего не оставалось как идти _ к Юльевскому.

В лагере экспедиции мы застали только завхоза и повариху. Геологи были на маршрутах. Василий Васильевич нам показал салик, подготовленный для нас геологами и помог организовать таежную баньку. «И зачем вы таскались по этим глухоманям? — сетовал завхоз. — В тот день, когда вы ушли на бело-

горье, двое наших на лошадях напоролись на медведицу с медвежатами, которая чуть не напала на них. А какая тут рыбалка! Посмотрите, какого я утром хариуса у вашего салика поймал», — Василий Васильевич продемонстрировал килограммового красавца.

Утром, когда кончился дождь, пошли к плоту. Рюкзаки мы сложили в возвышающийся посередине деревянный ящик, и Володя Морозов привязал их понадежней. Каждый вырубил по трехметровому березовому шесту. Как и всегда перед плаванием по горной реке, приняли меры безопасности. На спину, под куртки, уложили туго затянутые резиновые мешки со всем необходимым на случай неудачи.

Первую пару километров ниже Юльевска плыть трудно. Река петляет, много камней. Потом сплав стал легче. Часа два все шло хорошо. Но вот поперек русла легла черная полоса, и через мгновение мы уже застряли на могучих бревнах затопленного плота. Все полезли в воду, начали сталкивать салик.

По правому берегу все чаще и чаще попадаются высоченные, поросшие лесом скалистые обрывы, с пещерками и нишами, из которых тучами вылетают стрижи.

Через пять с половиной часов «чистого» сплава мы увидели четыре избы. Это стан леспромхозовских шишкобоек, откуда вертолетом вывозится собранный орех.

Мы были предупреждены, что через один приток, у Соболинки — там тоже есть избушка — начинаются рискованные, а потом и непроходимые для салика пороги. Поэтому, проплыв еще минут двадцать, бросили плот и

вылезли на правый берег, вдоль которого есть тропа.

У тропы грибное и ягодное изобилие. Масса волнушек, груздей, сыроежек, подберезовиков, очень много черники, голубики, крыжовника.

Идя от избушки на Соболинке, придерживались уходящих в гору затесок. Они завлекли нас вверх по склону и долго вели над рекой. Здесь миновали мощные каменистые осыпи, бурелом и к району Большого порога спустились уже порядком намаявшиеся. Окружающие горы с камнями — останцами у вершин, сам Большой порог с полутораметровым в эту воду водопадом, — места впечатляющие. Мы долго бродим по берегу, фотографируем. По существу здесь мы уже прощаемся с Саянами, так как ниже порога уже не за горами цивилизация...

В вечерних сумерках четырнадцатого августа пришли в Ангул. В этом таежном поселке живет всего четыре семьи. Лесник Гольдшмидт помог нашему отряду транспортом, и уже вскоре мы возвратились в Мину.

В Саянах мы многому научились, обрели друзей-сибиряков.

Плыли за иллюминаторами похожие на горы кучевые облака. Внизу простирался край большого будущего. Край, покоривший нас навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
Бурный Казыр.....	6
В дебри Восточного Саяна.....	30
К верховьям Кизира.....	63
Грандиозный — рядом!.....	81
У тоджинских тувинцев.....	99
На медвежьих елани.....	118
Канское белогорье.....	131

Марк Васильевич Пуссе

**СЕМЬ ПОХОДОВ
ПО ВОСТОЧНОМУ САЯНУ**

Редактор Б. А. Макаров. Художественный редактор М. Ф. Живило.
Технический редактор В. В. Бахтин. Корректор Л. В. Алексева.

Сдано в набор 7/V-1974 г. Подписано к печати 23/VII-1974 г. Объем 5,04
уч.-изд. л., 4,18 усл. печ. л. Бумага тип. № 2. Формат 60X84¹/₃₂.
Заказ № 172. Тираж 10 000 экз. Цена 15 коп. АЛ00377.

Красноярское книжное издательство, г. Красноярск, пр. Мира, 89.
Типография «Красноярский рабочий»,
г. Красноярск, пр. Мира, 91.